

Вестник

7 (80)
декабрь 2008 г.

Издание Новосибирской епархии Русской Православной Церкви.
Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Тихона,
архиепископа Новосибирского и Бердского

100 лет со дня преставления
святого праведного Иоанна Кронштадтского

Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи со столетием преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского

Преосвященные архиастыры, досточтимые отцы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

20 декабря по старому стилю 2008 года исполняется сто лет со дня блаженной кончины великого подвижника благочестия, мудрого и богопросвещенного пастыря, почитающегося всем нашим народом — святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Жизнь этого дивного угодника Божьего с самых юных лет и до времени преставления являет нам чудный образец беззаветного служения Богу и Церкви.

Шесть лет от роду отрок Иоанн сподобился видения Ангела Хранителя, и эта живая, единственная связь с духовным миром сохранялась у него на протяжении всего его жизненного пути. Угодник Божий всегда ясно ощущал помощь, ниспосыпанную ему свыше, и посему являл всем здимую силу веры, поражающую своим величием всякого человека, которого Господь сподоблял среди житейских треволнений встретиться с Кронштадтским пастырем.

Господь призвал отца Иоанна на многотрудное и ответственное служение. Кронштадт был местом высылки людей, опустившихся на дно жизни, и потому пороки пропитывали саму атмосферу города. В этой среде дошедших до крайней степени отчаяния и греховности людей Кронштадтский пастырь явился глашатаем Истины Христовой и свидетелем беспредельной Божественной Любви ко всем скорбящим и обремененным. «Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем», — говорил он.

Церковно-общественная жизнь во второй половине XIX — начале XX веков была сложна и противоречива. С одной стороны, чувствовался религиозный подъем, с другой — духовная инертность и социальная нестабильность. Многие понимали, что именно Церковь может внести ясность в жизнь России, помочь разуверившимся во всем людям обрести веру, мир и душевный покой. Много тогда было в России пастырей, но один из них был особенным. Эта его особенность проявлялась во всем: в его богослужениях, в его проповедях, в требах, совершаемых им, в его каждодневных заботах о бедных, больных, забытых, в его внешнем облике, наконец, в его особых дарах — любви, исцелениях, чудесах.

В первой же своей проповеди, произнесенной после совершения Божественной литургии в Андреевском соборе Кронштадта, куда был назначен молодой священник, он сказал: «Сознаю высоту сана и соединенных с ним обязанностей; чувствую свою немощь и недостоинство к прохождению высочайшего на земле служения священнического, но уповаю на благодать и милость Божию, немощная врачующая и оскудевающая восполняющая. Знаю, что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание. Это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братия мои... Любовь — великая сила: она и немощного делает сильным, и малого — великим, и незначительного — достопочтенным, и прежде незнакомого и чужого делает скоро близким и знаемым, и любезным. Таково свойство любви чистой, евангельской». С таким духовным настроем он начинал пастырское служение.

Впоследствии, уже став известным на всю Россию пастырем, отец Иоанн вспоминал, что с первых дней своего служения он «взял за правило искренне относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, строго следить за собою, за свою внутренней жизнью». С этой целью он ежедневно читал Священное Писание, «извлекая из него назидательное для себя как человека, священника и члена общества». Потом стал вести дневник, известный ныне под названием «Моя жизнь во Христе». Этот неизбытный кладезь духовной мудрости свидетельствует нам о пастыре, который действительно, не на словах, а на деле, каждый день и каждый час жил во Христе и со Христом. Слова святого апостола Павла **«Уже не я живу, но живет во мне Христос»** (Гал. 2, 20) в полной мере можно отнести и к отцу Иоанну. Все, что им написано, было продиктовано горячим пастырским сердцем с болью о пастве, с желанием помочь, исправить, направить, поддержать.

Дневник «Моя жизнь во Христе», получивший широкое распространение, стал для многих христиан двадцатого столетия настольной книгой. В эпоху гонений, воздвигнутых богоборческой властью на веру и Церковь, православные люди переписывали ее от руки, находя в словах отца Иоанна подкрепление для своего стояния в вере и в делах благочестия.

Очень скоро святой праведный Иоанн Кронштадтский понял, что ко всему тому, что он делал, необходимо прибавить еще одно правило — ежедневно совершать Божественную литургию, которую он считал самым действенным средством очищения, исцеления и освящения. В своем дневнике он писал: «Божественная литургия есть поистине небесное на земле служение, во время которого Сам Бог особенным, близай-

шим, теснейшим образом присутствует и пребывает с людьми, будучи Сам невидимым Священномодействователем, приносящим и приносимым. Нет ничего на земле святое, выше, величественнее, торжественнее, животворное Литургии! Храм в это особенное время бывает земным небом...

Литургия — постоянно повторяющееся торжество любви Божией к роду человеческому и всесильное ходатайство о спасении всего мира и каждого члена в отдельности».

Служение праведного Иоанна во время Божественной литургии было, по выражению современников, «огнебоговдохновенным». Каждый раз он вновь и вновь с трепетом и благоговением переживал встречу с Богом. Именно эти встречи укрепляли его и духовно, и телесно, поддерживая в нем огонь неоскудевающей благодати Божией, помогали выполнять свой пастирский долг с полной отдачей сил.

Отец Иоанн на протяжении многих лет своей жизни нес подвиг ежедневного служения Божественной литургии, горячей сердечной молитвой испрашивая у Господа разнообразные благодеяния людям, полагавшим в молитвенном дерзновении кронштадтского паства свою последнюю надежду.

Следуя заповеди Христовой о любви и милосердии к ближним, он поддерживал и поощрял благотворительную деятельность и сам становился вдохновителем всякого доброго начинания. Им было основано Приходское попечительство для помощи бедным, а затем — Дом трудолюбия с детской библиотекой, бесплатной начальной школой и мастерскими.

По свидетельству очевидцев, кто бы ни обращался к отцу Иоанну с просьбой, он никогда не отвечал, что это не его дело. Получая немалые деньги от благотворителей, он не имел лишнего рубля на завтра: все полученное одной рукой, он сразу же раздавал другой. Однако Господь не оставлял праведника своим попечением, ибо **«милость Господня от века и до века на боящихся Еgo»** (Пс. 102, 17).

Кроме прямых пастирских обязанностей, связанных со служением в Кронштадте, отец Иоанн много путешествовал по России. Каждая его поездка становилась событием всероссийского значения. Его ждали, его звали, его встречали. Приезд паства всегда был праздником, ибо в нем народ видел не только служителя алтаря Господня, но и учителя, пламенного проповедника, щедрого благотворителя, доброго исцелителя, мудрого наставника слабых, утешителя страждущих. «Я живу не для себя, а для других», — говорил кронштадтский батюшка. В этих словах кроется тайна жизни и служения отца Иоанна, его всеобщего почитания, подвижничества, пастирского душепопечения и силы.

Вся жизнь праведного отца Иоанна была подчинена двуединой цели: служению Богу и людям. Из дня в день он совершал это великое служение и достиг в нем исключительных высот. Душепопечением, заботой о своих духовных чадах, желанием помочь каждому просящему было преисполнено все его более чем полуувековое пастирское служение от начала и до конца. 20 декабря по старому стилю 1908 года на 80-м году жизни великий молитвенник земли Русской завершил свой земной путь. Скорбной волной прокатилась по всей России весть о кончине доброго паства, дорогого батюшки отца Иоанна. Его похороны превратились во всеобщий плач сынов России о своем любимом пастве и отце. Блаженная кончина праведника стала ярким свидетельством истинности слов Священного Писания: **«Честна пред Господем смерть преподобных его»** (Пс. 115,6). Память народная

и поныне чтит его светлый образ, который всегда будет близок сердцу и душе нашего народа.

Святой праведный Иоанн, паstryр Кронштадтский, совершил свое служение в то время, когда в сознании большинства верующих людей стало затмеваться понятие о непреходящем значении сакраментальной жизни Церкви. Он стал вдохновителем евхаристического возрождения. Его мудрые наставления, проповеди, пламенное служение имеют и будут иметь всеправославное значение. Пример жизни и наследие отца Иоанна — надежное руководство в духовной жизни как для паstryрей, так и для всех, «алчущих и жаждущих правды» (Мф. 5, 6), ищущих душевного спасения.

Его молитвами, молитвами сонма новомучеников и исповедников, представительством всех святых в земле Российской просиявших, по милости Божией, прошли времена тяжелых испытаний для нашей Церкви. В 1989 году возродилась монашеская жизнь в Свято-Иоанновском монастыре на Карповке, где был погребен Всероссийский паstryр, и уже в следующем, 1990 году, при огромном стечении народа состоялось общечерковное прославление святого праведного Иоанна Кронштадтского. С тех пор и доныне возрождается основанная им обитель, восстанавливаются монашеские традиции и вновь во множестве стекаются сюда паломники со всей России, из ближнего и дальнего зарубежья, дабы помолиться великому угоднику Божию, прикоснуться к месту его погребения, вдохновиться примером его жизненного подвига и служения Богу и ближним.

В год церковного празднования 100-летия со дня преставления великого светильника земли нашей — святого праведного Иоанна Кронштадтского вознесем к нему наши усердные молитвы, дабы его представительством Господь хранил нас от всякого зла, подавая все благое и потребное для жизни достойной и праведной в лоне Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви!

+АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО

Святой праведный Иоанн, Кронштадтский Чудотворец, родился 19 октября 1829 года в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии в семье бедного сельского дьякона Илии Сергиева и его жены Феодоры. Новорожденный оказался настолько слабым и болезненным, что родители поспешили тотчас же окрестить младенца с наречением имени Иоанн, в честь преподобного Иоанна Рыльского, день памяти которого Святая Церковь празднует в этот день. Вскоре после крещения ребенок начал поправляться, и благочестивые родители приписали это благодатному действию Святого Таинства крещения. С самого раннего возраста они старались направлять мысль и чувство своего сына к Богу, приучая к усердной домашней и церковной молитве.

Живя в суровых условиях крайней материальной нужды, маленький Иоанн с детства был знаком с безотрадными картинами бедности, горя, слез и страданий. Это сделало его сосредоточенным, вдумчивым и замкнутым, но, вместе с тем, воспитало глубокое сочувствие и сострадательную любовь к беднякам.

В шестилетнем возрасте отец начал учить Иоанна грамоте. Но вначале учение плохо давалось мальчику. Это огорчало его, но в то же время и подвигало на особенно горячие молитвы к Богу о помощи. Когда отец, собрав последние средства, отвез его в Архангельское приходское училище, Иоанн особенно остро почувствовал там свое одиночество и беспомощность и находил утешение только в молитве. Молился он часто и пламенно. И вот однажды, после одной из таких молитв, ночью, у него вдруг «точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум», «легко и радостно так стало на душе», как позднее вспоминал это чудо святой праведный Иоанн Кронштадтский. Ему ясно представился вчерашний урок, учитель, он вспомнил, о чем и что тот говорил. Чуть засветлевло, Иоанн вскочил с постели, схватил учебники и — о, радость! — он понял, что стал читать гораздо лучше, хорошо понимать и запоминать прочитанное.

С той поры он учился отлично. В числе первых окончил училище и затем Архангельскую Духовную семинарию, а затем был принят на казенный счет в Санкт-Петербургскую Духовную академию.

Первоначально Иоанн склонялся к тому, чтобы после ее окончания посвятить себя миссионерской работе среди аборигенов Сибири и Северной Америки. Но Промыслом Божиим он был призван к пастырской деятельности иного рода.

В 1855 году, когда Иоанн Сергиев окончил курс академии со степенью кандидата богословия, ему было предложено вступить в брак с дочерью протоиерея Кронштадтского Андреевского собора Елизаветой Несвятской и принять сан священника для служения в том же соборе. 12 декабря 1855 года совершилось его рукоположение. Вся остальная жизнь отца Иоанна и его пастырская деятельность протекали в Кронштадте и многие даже забыли его фамилию и стали называть его Кронштадтским, да он и сам нередко так подписывался.

Брак отца Иоанна с Елизаветой Несвятской был не плотским, но духовным союзом: «Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобой давай посвятим себя на служение Богу», — так сказал он жене в первый же день супружеской жизни и в дальнейшем они жили как брат с сестрой..

Праведный Иоанн Кронштадтский был величайшим аскетом. В основе этого аскетического подвига лежали непрестанная молитва и пост. Страницы его дневника, названного «Моя жизнь во Христе» ярко свидетельствуют о борьбе с греховными помыслами — «невидимой брань», которую заповедуют всем истинным христианам древние великие отцы-подвижники. Строгого поста, как душевного, так и телесного, требовало от него и ежедневное совершение Божественной литургии, которое он поставил себе за правило.

При первом же знакомстве со своей паствой отец Иоанн увидел, что здесь ему предстоит не менее труда, чем миссионерам при обращении язычников. В то время в Кронштадте процветали безверие, иноверие и сектантство, не говоря уже о полном религиозном

ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

индифферентизме. Это было место административной высылки из столицы разных порочных людей, и кроме того, здесь находилось много портовых чернорабочих. По большей части, они ютились в жалких лачугах, землянках, попрошайничали и пьянствовали. Городские жители немало терпели от этих морально опустившихся людей, получивших название «посадских».

Вот на этих парий, презираемых всеми, и обратил свое внимание исполненный духа подлинной Христовой любви молодой пастырь. Ежедневно он стал бывать в их убогих жилищах, беседовать, утешать, ухаживать за больными. Отец Иоанн помогал им и материально, раздавая все, что имел, нередко возвращаясь домой раздетым и даже без сапог. Именно кронштадтские «босяки», которых он силою своей сострадательной пастырской любви опять делал людьми, возвращая им утраченный было человеческий образ, первыми открыли святость молодого священника. И затем это открытие очень быстро восприняли вся верующие России.

Приведем рассказ одного ремесленника о случае духовного возрождения благодаря святому праведному Иоанну Кронштадтскому.

«Мне было тогда годов 22–23. Теперь я старик, а помню хорошо, как видел в первый раз батюшку. У меня была семья, двое детишек. Я работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку по миру сбирала. Жили в дрянной конурке. Прихожу раз не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит, на руках сынишку держит и что-то ему говорит

ласково. Ребенок серьезно слушает. Мне все кажется, батюшка был, как Христос на картинке «Благословение детей». Я было ругаться хотел: вот, мол, шляются тут... да глаза батюшки ласковые и серьезные меня остановили: стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит — прямо в душу смотрит. Начал говорить. Не смею передать все, что он говорил. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что где дети, там всегда и тепло и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал...»

Такой необычный пастырский подвиг молодого пастыря стал вызывать нарекания и даже нападки на него со всех сторон. Многие долго не признавали искренности его настроения, глумились над ним, клеветали устно и печатно, называли его юродивым. Руководство епархии вызывало его для объяснений и одно время даже запретило выдавать священнику Иоанну Сергиеву на руки жалование, так как он, получив его, все до последней копейки раздавал нищим. Но все эти испытания он переносил мужественно, ни в чем не изменяя в угоду нападавшим на него принятого образа жизни. И, с Божией помощью, он победил. За все то, над чем в первые годы его служения смеялись, клеветали, что поносили и преследовали, впоследствии стали прославлять его, поняв, что он — истинный последователь Христов,

Иоанновский женский монастырь на Карповке
(Санкт-Петербург)

подлинный пастырь, полагающий душу свою за овцы своя.

«Нужно любить всякого человека и в грехе его и в по-зоре его, — говорил отец Иоанн. — Не нужно смеши-вать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем»... С сознанием этого он и шел к людям, побеждая и возрождая их силою своей истинно пастырской со-страждущей любви.

Скоро открылся в отце Иоанне и дивный дар чудотворения, который прославил его на всю Россию и даже далеко за ее пределами. Сохранилась точная запись его рассказа о первом чуде исцеления. Глубоким сми-рением дышат эти строки.

«Кто-то в Кронштадте заболел. Просили моей молит-венной помощи. У меня и тогда уже была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, пре-давая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка, которую я давно знал.

Она была богобоязненная, глубоко верующая женщи-на, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божием кончившая свое земное странствование. При-ходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: как я могу — думал я — иметь такое дерзновение? Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою — он выздоровел. Я же bla-годарил Господа за эту милость. В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо уже усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога — молиться за тех, кто будет этого просить».

По молитве отца Иоанна действительно совершалось и теперь, когда со дня его блаженной кончины прошло уже сто лет, продолжает совершаться множество дивных чудес. Молитвой и возложением рук святого праведного Иоанна Кронштадтского излечивались самые тяжкие болезни. Исцеления совершались как наедине, так и при большом стечении народа, а весьма часто и за-очно. Достаточно было иногда написать отцу Иоанну письмо или послать телеграмму, чтобы свершилось чудо исцеления. Одно из таких чудесных исцелений, произошедшее на глазах у всех в селе Кончанском (Суворовском), в 1901 году было описано случайно на-ходившейся там суворовской комиссией профессоров военной академии.

Тогда к святому привезли женщину, которая много лет страдала беснованием. Она была в бесчувственном состоянии, но уже через несколько минут оказалась со-вершенно исцеленной.

Отец Иоанн исцелял силою своей молитвы не только русских православных людей, но и мусульман, евреев и обращавшихся к нему из-за границы иностранцев. Этот великий дар чудотворения, естественно, был наградой ему за великие подвиги — молитвенные труды, пост и самоотверженные дела любви к Богу и ближним.

И вот скоро вся верующая Россия потекла к дивно-му чудотворцу. Наступил второй период его славной жизни, его подвигов. Вначале он сам шел к людям — и они, как мы помним, часто оказывались самыми от-верженными из жителей Кронштадта. А теперь отовсюду, со всех концов России, к нему устремился православный народ самых разных сословий. Тысячи людей ежеднев-но приезжали в Кронштадт, желая видеть отца Иоанна и получить от него ту или иную помощь. Еще большее число писем и телеграмм получал он: кронштадтская почта для его переписки даже вынуждена была открыть особое отделение. Вместе с письмами и телеграммами текли к отцу Иоанну и огромные суммы денег на благо-творительность. По самому минимальному подсчету, через его руки проходило в год не менее одного миллиона рублей (сумма по тому времени невероятная). На эти деньги святой ежедневно кормил тысячу нищих, а также устроил в Кронштадте замечательное учреждение — «Дом трудолюбия» со школой, церковью, мастерскими

Андреевский собор. Кронштадт

и приютом. Он основал в своем родном селе женский монастырь и воздвиг там большой каменный храм, в Петербурге построил женский монастырь на Карповке, в котором и был погребен по своей кончине.

К общей скорби жителей Кронштадта, в этот период своей всероссийской славы, отец Иоанн должен был оставить преподавание Закона Божия в Кронштадтском городском училище и в Кронштадтской классической гимназии, где преподавал свыше 25-ти лет. Он был замечательным педагогом и никогда не прибегал к тем приемам, которые тогда часто имели место в учебных заведениях, то есть ни к чрезмерной строгости, ни к нравственному принижению неспособных. У отца Иоанна отметки не служили мерами поощрения, как и наказания — мерами устрашения. Успехи рождало теплое, задушевное отношение его как к самому делу преподавания, так и к ученикам. Поэтому у него не было «неспособных». На уроках все без исключения жадно вслушивались в каждое его слово. Урока его ждали. Они были скорее удовольствием, отдыхом для учащихся, чем тяжелой обязанностью, трудом. Это была живая беседа, увлекательная речь, интересный, захватывающий внимание рассказ. И эти живые беседы пастыря-отца со своими детьми на всю жизнь глубоко запечатлевались в их памяти. Такой способ преподавания отец Иоанн в своих речах, обращаемых к педагогам перед началом учебного года, объяснял необходимость дать отечеству прежде всего человека и христианина, отодвигая вопрос о науках на второй план. Нередко бывали случаи, когда, заступившись за какого-нибудь ленивого ученика, приговоренного к исключению, отец Иоанн сам принимался за его исправление. Проходило несколько лет, и из ребенка, не подававшего, казалось, никаких надежд, вырастал полноценный член общества.

Нужно представить себе, как проходил день у отца Иоанна, чтобы понять и прочувствовать всю тяжесть и величие его беспримерного подвига. Вставал он ежедневно в 3 часа ночи и начинал готовиться к служению Божественной литургии. Около 4 часов утра он отправлялся в собор к утруни. Здесь его уже встречали толпы паломников, жаждавших получить хотя бы благословение. Тут же было и множество нищих, которым отец Иоанн раздавал милостыню. Заутреней он непременно сам всегда читал канон, придавая этому чтению большое значение. Перед началом литургии была исповедь. Из-за громадного количества желающих исповедаться у отца Иоанна, им была введена, по необходимости, общая исповедь. На всех участников и очевидцев она производила потрясающее впечатление: многие каялись вслух, громко выкрикивая, не стыдясь и не стесняясь, свои грехи.

Андреевский собор, вмещавший до 5 000 человек, всегда бывал полон, а потому очень долго шло причащение, и литургия оканчивалась не раньше 12 часов дня. По свидетельству очевидцев и сослуживших отцу Иоанну, совершение им Божественной литургии не поддается описанию. Ласковый взор, то умильный, то скорбный, в лице сияние благорасположенного духа, молитвенные вздохи, источники слез, источаемых внутренне, порывистые движения, огонь благодати священнической, проникающий его мощные возгласы, пламенная молитва — вот некоторые черты отца Иоанна при богослужении. Это был непрерывный горячий молитвенный порыв к Богу. Во время службы он становился воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за грехи их, был живым звеном, соединявшим Церковь земную, за которую он представительствовал, и Церковь небесную, среди членов которой он витал в те минуты духом. Чтение отца Иоанна на клиросе — это было не простое чтение, а живая восторженная беседа с Богом и Его святыми: читал он громко, отчетливо, проникновенно, и голос его проникал в самую душу молящихся. А за Божественной литургией все возгласы и молитвы произносились им так, как будто своими просветленными очами лицом к лицу видел он пред собою Господа и разговаривал с Ним. Слезы умиления лились из его глаз, но он не замечал их. Видно было, что отец Иоанн во время Божественной литургии переживал всю историю нашего спасения, чувствовал глубоко и сильно всю любовь к нам Господа, чувствовал Его страдания.

Отец Иоанн был замечательным проповедником, причем говорил он весьма просто и чаще всего без особой подготовки — экспромтом. Он не искал красивых слов и оригинальных выражений, но проповеди его отличались необыкновенной силой и глубиной мысли, и вместе с тем исключительной богословской ученоостью, при всей своей доступности для понимания даже простыми людьми. В каждом его слове чувствовалась какая-то особенная сила, как отражение силы его собственного духа.

Такое служение необычайно действовало на всех присутствующих. Не все шли к нему с твердой верой: некоторые с сомнением, другие с недоверием, а третьи излю-

бопытства. Но здесь все перерождались и чувствовали, как лед сомнения и неверия постепенно таял и заменялся теплотою веры. Причащающихся после общей исповеди бывало всегда так много, что на святом престоле стояло иногда несколько больших чаш, из которых несколько священников приобщали верующих одновременно. И такое причащение продолжалось нередко более двух часов.

Во время службы отцу Иоанну прямо в алтарь приносились письма и телеграммы, и он тут же прочитывал их и молился о тех, кого просили его помянуть.

После службы, сопровождаемый тысячами верующих, он выходил из собора и отправлялся в Петербург по бесчисленным вызовам к больным. И редко когда возвращался домой ранее полуночи. Надо полагать, что нередко у него и совсем не оставалось времени для сна.

Так жить и трудиться, конечно, можно было только при наличии сверхъестественной благодатной помощи Божией.

Но и самая слава отца Иоанна была его величайшим подвигом, тяжким трудом. Всюду, где бы он ни оказался, около него мгновенно вырастала толпа жаждущих хотя бы прикоснуться к чудотворцу. Почитатели его бросались даже за быстро мчавшейся каретой, хватая ее за колеса с опасностью быть изувеченными. По желанию верующих отцу Иоанну приходилось предпринимать поездки в разные города России. Стечение народа определялось тогда уже десятками тысяч. Во время проезда святого на пароходе толпы бежали за ним по берегу, многие становились на колени. Харьковский собор во время служения в нем праведного Иоанна Кронштадтского 15 июля 1890 года не смог вместить молящихся. Даже соборная площадь и все прилегающие улицы оказались заполнены людьми. 20 июля того же года, когда отец Иоанн совершил молебен на Соборной площади, число собравшихся превысило 60 тысяч. То же самое происходило и в других городах: в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде.

Несмотря на свою необыкновенную занятость, отец Иоанн находил, однако, время вести как бы духовный дневник, записывая ежедневно свои мысли, приходившие ему во время молитвы и созерцания. Эти мысли составили замечательную книгу, изданную под названием «Моя жизнь во Христе». Она представляет собой подлинное духовное сокровище и может быть поставлена рядом с вдохновенными творениями древних отцов Церкви и подвижников христианского благочестия. Это — совершенно своеобразный дневник, в котором мы находим необыкновенно поучительное для каждого читателя отражение духовной жизни автора. Книга эта на вечные времена останется ярким свидетельством того, как жил наш великий праведник и как должно жить всем тем, кто хотят не только называться, но и в действительности быть христианами.

Замечательным духовным памятником и неисчерпаемым материалом для назидания являются также его проповеди. Каждое слово здесь — от сердца, полно веры и огня, в мыслях — изумительная глубина и мудрость, во всем поразительная простота и ясность. Нет ни одноголишнего слова, «красивых фраз. Эти проповеди нельзя только «прочитать» — их надо постоянно перечитывать,

и всегда найдешь в них что-то новое, живое, святое.

Основная мысль всех письменных творений святого праведного Иоанна Кронштадтского — необходимость истинной горячей веры в Бога и жизни по вере, в непрестанной борьбе со страстями и похотями, преданность вере и Церкви Православной как единой спасающей.

К тяжелому подвигу служения людям в последние годы жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского присоединился мучительный личный недуг — болезнь, которую он кратко и терпеливо переносил, никому никогда не жалуясь. Решительно отвергнув предписания знаменитых врачей поддерживать свои силы скромной пищей, он сказал: «Благодарю Господа моего за ниспославленные мне страдания для предощущения моей грешной души. Оживляет Святое Причастие». И он приобщался по-прежнему каждый день.

10 декабря 1908 года, собрав остаток сил, отец Иоанн в последний раз сам совершил Божественную литургию в Кронштадтском Андреевском соборе. Он заранее предсказал день своей кончины, и в 7 часов 40 минут утра 20 декабря 1908 года великий праведник мирно отошел ко Господу,

В погребении святого праведного Иоанна Кронштадтского приняли участие десятки тысяч людей, а у гробницы его тогда и в последующее время совершалось немало чудес. Необычайные то были похороны! На всем пространстве от Кронштадта до Ораниенбаума и от Балтийского вокзала в Петербурге до Иоанновского монастыря на Карповке стояли огромные толпы плачущего народа. Такого количества людей не было до того времени ни на одних похоронах — это был случай в России совершенно беспримерный. Похоронное шествие сопровождалось войсками со знаменами, военные исполняли «Коль славен», по всей дороге через весь город стояли войска шпалерами. Чин отпевания совершил митрополит Петербургский Антоний во главе сонма епископов и многочисленного духовенства. Заупокойные службы сопровождались общими рыданиями людей, чувствовавших себя осиротевшими. Слышались возгласы: «Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной? Кто придет теперь на помощь нам, сирым, немощным?» Но в самом отпевании не было ничего скорбного: оно напоминало собою скорее светлую пасхальную заутреню, и чем дальше шла служба, тем это праздничное настроение у молящихся все более росло. Чувствовалось, что из гроба исходит какая-то благодатная сила и наполняет сердца присутствующих неземною радостью. Для всех было ясно, что во гробе лежит святой, праведник, и дух его незримоносится в храме, объемля своею любовью и ласкою всех пришедших отдать ему последний долг.

Похоронили отца Иоанна в церкви-усыпальнице, специально устроенной для него в подвальном этаже сооруженного им монастыря на Карповке.

На Поместном Соборе Русской Православной Церкви, состоявшемся 7–8 июня 1990 года, святой праведный Иоанн Кронштадтский был канонизован. Его память установлено совершать 20 декабря / 2 января — в день блаженной кончины святого.

Опыт пастырского служения святого праведного Иоанна Кронштадтского, его учение о пастырстве и актуальность его наставлений в условиях современной церковной жизни

Доклад священника Романа Аксенова на конференции «Пастырство: традиции и современность»

8 ноября 2008 года в рамках VII церковно-общественной выставки-форума ««Православная Русь» — к Дню народного единства» прошла конференция «Пастырство: традиции и современность. К 100-летию преставления святого Иоанна Кронштадтского». Ниже приводится доклад на пленарном заседании преподавателя Коломенской Духовной семинарии священника Романа Аксенова, исследователя пастырского служения святого праведного Иоанна.

«Отец Иоанн Кронштадтский в истории Церкви — явление необычное. История Церкви знает подвижников величайших, более великих, чем отец Иоанн, история Церкви знает молитвенников более великих, чем отец Иоанн... Но это явление необычное в истории Церкви потому, что никогда подвиг молитвы не совершился в таких условиях мирской жизни, в каких совершал его Иоанн Кронштадтский» [1], — так писал в книге «Монастырь в миру» протоиерей Валентин Свенцицкий. Действительно, личность этого дивного пастыря уникальна и удивительна своей внутренней силой и величием, своим дерзновением и близостью к Богу. С юных лет его жизнь запечатлена особым действием благодатного промысла Божия. В шестилетнем возрасте будущий Всероссийский пастырь сподобился видения ангела-хранителя. Впоследствии святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Святой ангел-хранитель ежедневно и ежечасно наставляет меня на путь спасения. Я это вижу сердечными очами, ощущаю и благодарю Бога и приставника Божия»[2].

Школьная учеба давалась юному Ване поначалу с большим трудом. Но, будучи воспитан родителями в глубоко религиозном духе, он, подобно преподобному Сергию Радонежскому, горячо молился Господу, чтобы Он открыл ему учение книжное. И однажды ночью, после усиленной и слезной молитвы, «вдруг спала точно пелена с моего ума, — вспоминал впоследствии отец Иоанн, — и я стал хорошо понимать учение»[3]. Одним из первых окончив школу и став лучшим выпускником Архангельской семинарии, отец Иоанн поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1855 году со степенью кандидата богословия.

Оставив первоначальное желание принять монашество и идти в глубь северной Сибири и Америки для проповеди Христа, отец Иоанн решил стать миссионером в казалось бы

давно просвещенном Петербургском kraе. Жизнь и служение отца Иоанна уже с первых дней пастырского служения казались необычными и вызывали неоднозначную реакцию. Так, святитель Феофан Затворник счел должным обратиться к нему с письмом, в котором предупреждал отца Иоанна, говоря, что «он взялся за такую подвижническую жизнь в миру, среди всех житейских соблазнов и невзгод, которая неминуемо должна привести его к страшному падению или окончиться ничем, что никто еще со времени принятия христианства не только в России, но и на Востоке не решался на подобный путь, будучи не монахом, а священником, живя вне ограды и стен монастырских, и непременно это породит величайший соблазн в духовенстве и народе»[4]. Позже он изменил свой взгляд на подвиг отца Иоанна. «Что касается отца Иоанна Кронштадтского, — читаем мы в более позднем письме святителя к одной духовной дочери, — то я уверен, что он воистину Божий муж»[5]. А самому отцу Иоанну он писал: «Благослови Господи Ваши пастырские труды по всей их широте. Вам дана благодать не учить только, но и творить. Помоги вам Господи успешно служить братьям о Христе всяким дарованием, какое приняли Вы от Господа»[6].

Служение отца Иоанна было действительно удивительным. Многое могло смущать на первый взгляд, многое могло казаться не соответствующим общепринятым нормам. Прежде всего, это — общая исповедь. Безусловно, отец Иоанн прибегал к такой практике по необходимости. Он стоял перед выбором: или не допускать желающих до Причастия, или сделать исповедь общей. Следует заметить, что отец Иоанн никоим образом не отвергал частной исповеди и при возможности исповедовал индивидуально. Один из первых жизнеописателей отца Иоанна, Александр Зыбин, вспоминал: «В прежние годы, когда приезжих было еще сравнительно немного, отец

Иоанн после Литургии всегда исповедовал несколько десятков человек поодиночке и затем приобщал Святых Таин. В настоящее же время приезжающих бывает такая масса, что при его разносторонней деятельности исповедовать поодиночке нет никакой возможности; а потому уважаемый пастырь вынужден прибегать, по прочтении исповедных правил и назидательных поучений, к общей исповеди и причащению. Исповедников и причастников бывает обыкновенно от 200 до 500 человек и более»[7]. Современники отца Иоанна сравнивали его общую исповедь с исповедью в первохристианской общине и указывали на необыкновенное воздействие ее на кающихся.

Естественно возникает вопрос о применимости опыта отца Иоанна к современным условиям. Известный московский пастырь начала XX в. святой праведный Алексий Мечев, говоря о необоснованности оправдания общей исповеди ссылками на отца Иоанна, подчеркивал: «То был отец великой духовной силы, и мы себя с ним сравнивать не можем»[8]. Иепископ Варнава (Беляев) предупреждает: «Не всякий, кому вздумается [может] подражать отцу Иоанну Кронштадтскому, ради скорости и удобства»[9].

Совершение богослужения отцом Иоанном было тоже несколько необычным. В нем встречались некоторые особенности, некоторые дополнения[10], которые являлись плодом глубоко-религиозного настроения чистой верующей души, которые были выражением того особого благодатного состояния, в каком пребывал отец Иоанн при совершении богослужения. Так например, лобзая после возгласа «Возлюбим друг друга...» сослужащих священнослужителей в оба плеча, он говорил: «Христос посреди нас живый и действующий»[11]. «Я стоял пораженный этими словами, — вспоминает очевидец, — и невольно думал: да, вот среди нас, а не там, где-то вдали, находится Христос Спаситель, находится не мертвый, не как отвлеченная какая доктрина, не как только историческая известная личность, а живой, «живый и действующий». Он среди нас. И даже «действующий». Жутко становилось, трепетом великим наполнялась невольно душа.»[12]. Близость к Богу отца Иоанна особенно проявлялась при произнесении возгласов и при чтении канона (отец Иоанн любил всегда сам читать канон на утрени и говорил, что, «читая канон, он входит в дух святых и, пропуская канон, чувствует себя как бы неподготовленным к служения Литургии»[13]). «Как читал батюшка! — восклицает митрополит Вениамин (Федченков). — Совсем не так, как мы читаем, обыкновенные священнослужители: т. е. ровно, без выражения, певучим речитативом... Отцу Иоанну, при его горящей энергии, гремящей вере... нельзя было молиться так, как мы молимся. И он молился чрезвычайно громко, а главное, дерзновенно»[14]. «Он молится Богу так, — вспоминает другой очевидец, Е.Поселянин, — будто воочию Его перед собой видит; молится так, точно ухватился за ризу стоящего перед ним Христа и не отпустит ее, пока не получит просимого»[15].

Немало нареканий приходилось выслушивать отцу Иоанну от недоброжелателей за казавшуюся внешне неаксетической жизнь: личный пароход, шелковые рясы, езда в карете. Сам отец Иоанн в беседе с Сарапульскими пастырями говорил: «Так как при настоящей моей жизни мне постоянно приходится быть в мире, посещая дома людей всякого звания и состояния, где предлагается угождение,

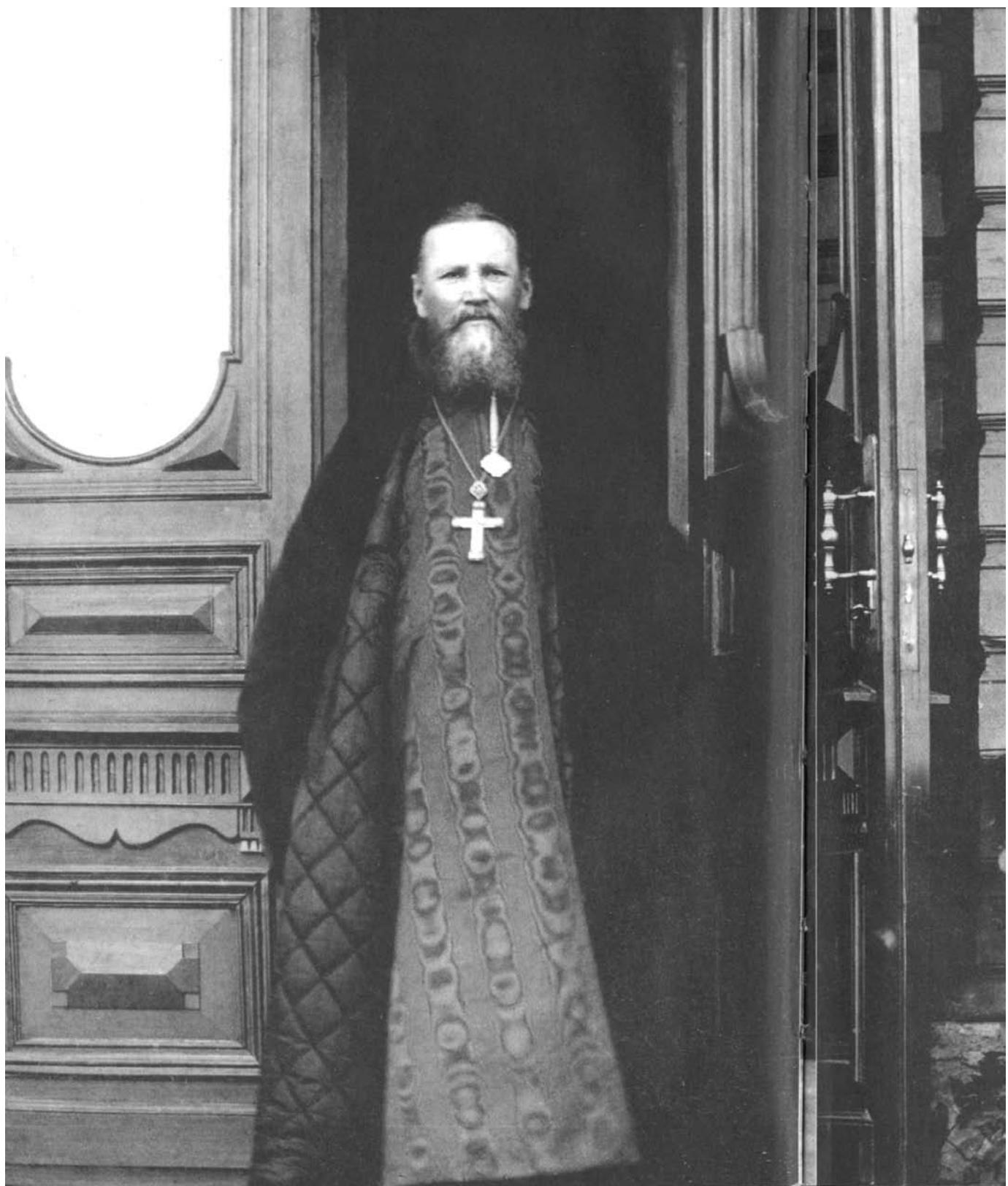
которое мне часто приходится принимать, чтобы отказом не огорчать предлагающих с любовью, то, естественно, мне не представляется возможным держать строгий пост. Вообще, в своей жизни я не брал на себя никаких особых подвигов»[16]. «Дух отца Иоанна требовал, — замечает священномученик Серафим (Чичагов), — сохранения всей своей естественной внешности, чтобы избежать в духовной борьбе столкновения с легко вкрадывающимся лицемерием...»[17]. Преподобный Силуан Афонский писал: «Некоторые плохо думают об отце Иоанне... Они говорят, что он был богат и хорошо одевался. Но они не знают, что в ком живет Дух Святой, тому богатство не вредит, ибо душа его вся в Боге и от Бога изменилась и забыла свое богатство и наряд»[18]. Сами рясы и все внешнее богатство были у отца Иоанна исключительно стараниями его духовных чад и поклонников. Об одном таком подарке сам отец Иоанн вспоминал: «Насчет шелковой рясы скажу вам. Прислала мне ее старушка одна. Сама она ее шила, хоть и плохо видит... Шила и радовалась невесть как, думая, как я стану ее носить. За что же я огорчу и обижу добрую женщину, взлюбившую меня?»[19]

Внешняя мирская обстановка требовала особого внутреннего подвига, потому что, по словам самого отца Иоанна, «изображать из себя праведника в рубицах иной раз куда легче бывает, чем стараться жить по-христиански в шелковой рясе»[20]. Поэтому внутренняя духовная борьба не прекращалась у отца Иоанна всю жизнь. Нередко в дневниках мы встречаем такие записи: «В субботу я кушал лишнее за обедом, а вечером много пил чаю, и на следующий день, служа раннюю обедню, я чувствовал себя внутренне бессильным и крайне немощным по причине вчерашнего излишества»[21]. Но всегда отец Иоанн искал утешение и поддержку в пламенной молитве к Богу, искреннем обращении к Нему, как единственному и неложному Пристанищу для скорбящей души. «Где бы я ни был, но лишь возведу сердечное око в скорби моей к Богу, Человеколюбец отвечает тотчас же на мою веру и молитву, и скорбь сейчас же проходит»[22].

За 53 года священнического служения отец Иоанн приобрел удивительно богатый и благодатный опыт пастырства, который он отразил и зафиксировал в своих дневниках. «Значение отца Иоанна для русского богословия еще до сих пор вполне не осознано. Сложилась даже привычка видеть в отце Иоанне Кронштадтском только практического пастыря. И редко кто читает его замечательный дневник «Моя жизнь во Христе» как богословскую книгу. Конечно, в ней нет богословской системы, но есть опыт и о нем свидетельство», — так писал протоиерей Георгий Флоровский в своей книге «Пути русского богословия»[23]. Действительно, через наследие отца Иоанна нам открывается внутренняя жизнь великого святого нашего времени, подвиг его духовной борьбы и несения им своего креста.

В кратком докладе невозможно изложить подробно все аспекты учения святого праведного Иоанна Кронштадтского о пастырском служении, поэтому обратим внимание лишь на некоторые моменты.

Прежде всего — это высота священнического служения. «Какое великое до необъятности дело вверено священнику на земле»[24], — восклицает отец Иоанн. И далее: «Где найти такого достойного иерея, который бы,

подобно серафиму, горел духом, любовью, славословием, благодарением пред Господом за такие чудеса Его к нам и в нас, благости и премудрости? Я первый из грешников недостойно совершаю это пренебесное Таинство, ибо имею всегда нечистое сердце, связанное похотями и сластями»[25]. «Впрочем, — замечает отец Иоанн, — в таинствах все совершается ради благодати священства, которой облечен священник, ради Самого Верховного Первосвященника — Христа, Коего образ носит на себе священник, — поэтому, хотя он и недостойно носит на себе сан, хотя и есть в нем слабости, хотя он мни-

телен, маловерен или недоверчив, тем не менее тайна Божия совершается вскоре, во мгновение ока»[26].

Особое значение имеет личная жизнь священника, как пастыря вверенных ему словесных овец стада Христова. «Известно, — говорит отец Иоанн, — что от образа жизни пастыря, от его радения или нерадения об исполнении своих высоких и святых пастырских обязанностей весьма много зависит вера или маловерие и самое неверие, равно как и жизнь и поведение пасомых»[27].

Главным источником сил для беспреткновенного прохождения священником своего служения, для проведения

Евангелие, митра, епитрахилы
и поручи Иоанна Кронштадтского

достойного сана образа жизни должны быть молитва и богослужение. «Молитва — это жизнь моей души, — восклицает отец Иоанн. — Без молитвы я не могу быть. Для поддержания в себе постоянного молитвенного настроения и общения с благодатью Божией я стараюсь как можно чаще служить... и причащаться Святых Тела и Крови Христовых, каждый раз почерпая в этом святейшем источнике богатые и могучие силы для разнообразных пастырских трудов»[28]. И напротив, отсутствие молитвенного настроя лишает священника необходимого правильного внутреннего устройства. «Представьте, — говорит отец Иоанн, — что служащее лицо, священник или диакон, пьян, или пришел служить в храм из-за картежного стола, или после чтения книги романтического пошиба или какой-либо мирской журнальной статьи, которой увлеклись его ум и сердце, — скажите, может ли он служить с воодушевлением утреню, или всенощную, или Литургию?.. Не думаю. Телом он в храме, а душой он там, где происходит роман или действие, с теми лицами, кои составляют предмет речи или коими он увлекся! Он не с Богом, не с Богоматерью, не со святыми. В его сердце не Бог, а суeta житейская, враг»[29].

Как и жизнь всякого христианина, служение священника сопровождается различными искушениями. «Священник по самому сану своему и званию есть Божий ратоборец, облеченный во всеоружие Божие для этой борьбы»[30], — говорит отец Иоанн. Сам отец Иоанн испытал на себе всю тяжесть и ярость бесовских козней, действующих на священнослужителя и изнутри, и через людей. Отец Иоанн признавался: «Служение мое Святой Церкви, совершение молитв и таинств было не без преткновений, невидимые враги сильно бороли и пленяли меня, смущали меня... борьба была на жизнь и смерть, смерть духовную. Я каялся, плакал побеждаемый и получал прощение»[31].

О каких же пастырских искушениях предупреждает нас святой праведный Иоанн Кронштадтский.

В первое время службы священник, как правило, с ревностью приступает к своим обязанностям, однако постепенно начинает привыкать к высоте своего служения, становится равнодушным при совершении богослужения, забывает, что «достойное, сердечное, благоговейное, с верой живой служение Господу в храме есть источник мира, радости и блаженства для души»[32]. «Когда мы в первый раз или нечасто читаем какие-либо молитвы, — замечает отец Иоанн, — тогда, по новости их, мы охотно, с великим чувством читаем их, но потом, чем чаще их повторяем, тем менее чувствуем к ним охоты; они перестают занимать нас и мы с трудом преодолеваем себя, чтобы читать их с прежним чувством»[33]. Особенно проявляется охлаждение пастыря к своему служению при совершении треб. «Когда в Церкви служим, тогда мы благоговейно служим, когда же в простых домах и у простых людей служим, небрежно, торопливо и бессердечно служим, как будто не Тот же Бог-Сердцеведец, Великий и Страшный и в церкви, и на всяком месте»[34].

Поучительно и назидательно отношение отца Иоанна к материальной стороне священнического служения. «Один из самых болезненных вопросов моей пастырской практики — это желание мирянина меня непременно «отблагодарить» кредитной бумажкой, даже в храме, даже когда я в облачении стою перед Крестом и Евангелием, а он пришел положить у ног Распятого свою душу. И тут шелестит та ужасная бумажка, которая столько зла причинила в мире, будучи как будто самой безобидной. Нет, положительно надо иметь не ближе притвора церковную кружку, куда тайно от глаз человеческих клади бы свою вещественную благодарность пастырю миряне. Те, кто хотел бы, даже вне всяких треб, — от чистого и доброго

сердца. А то во что обращается наша великкая благодать пастырства? Во что обращается то, что не имеет никакой цены (молитва)? Если молитва платная, она ничего не стоит, а сердечная бескорыстная, по заповеди апостола Петра, стоит миллион золота и даже больше...»[35].

В дневниках отца Иоанна мы можем найти советы, как должен относиться священник к сильным мира сего. Отец Иоанн напоминает: «Ты делаешь дело Божие и ни перед кем не должен льстить, работать и [должен] считать дело свое выше всех дел человеческих»[36]. «Зачем в храме во время богослужения обращаешь внимание на знатных чиновных, как на знатных? Считай их наравне с прочими овцами словесного стада и не унижай своего сана подобострастием перед сильными мира сего, прелюбодейного и грешного. Это — грех пред Богом. В простоте сердца будь одинаков ко всем»[37].

Не менее актуально звучит и другое предостережение отца Иоанна: «Храмы и обители строишь, а о внутреннем духовном своем храме нерадишь, не созидаешь его, а разрушаешь пристрастиями житейскими. С крайним усердием и скоро созидай и благоукрашай его»[38].

Главная опасность в духовной жизни пастыря, как, впрочем, и каждого христианина, — гордость. «Крепко наблюдай за проявлением гордости, — предостерегает отец Иоанн. — Она проявляется незаметно, особенно в огорчении и раздражительности на других из-за самых невинных причин»[39].

Другая сторона проявления гордости — любовь к похвале. «Льстецы — большие враги наши: они ослепляют нам глаза, не дают нам видеть своих великих недостатков и потому загораживают нам путь к совершенству, особенно, если мы самолюбивы и недальновидны.»[40]. Но, к сожалению, не всегда можно избежать похвал, хотя, возможно, и справедливых, но могущих зародить тщеславные мысли в душе пастыря. В таком случае полезен опыт самого отца Иоанна. В своем дневнике он писал: «От многих я слышу добрые отзывы о моем служении. Не знаю, что особенного находят в моем служении. Я считаю себя последнейшим. Если служба хороша, то она сама в себе хороша; если мое служение хорошо, то это дело благодати Божией, которой я и восписую все похвалы; мои же только немощи, слабости, страсти. Слава щедротам Твоим ко мне, Господи! Слава силе Твой!»[41].

В наследии святого праведного Иоанна Кронштадтского и в воспоминаниях о нем мы можем найти ответы на множество практических вопросов пастырского служения. Вот некоторые из них.

Как часто можно причащаться мирянам? — С удивлением и возмущением отец Иоанн говорил: «Некоторые личности говорят, что будто бы грешно мирянам причащаться часто, что молодым людям будто бы только нужно причащаться раз в год, и только старым во все посты, что часто причащающиеся с ума сойдут. Какая нелепость! Какое богохульство, кощунство! Какое неразумие! А для чего раздается ежедневно за Литургией глас Спасителя, призывающий к причащению»[42]. В то же время отец Иоанн замечал: «Как люди понимают по-своему и все переиначивают: мои советы и разрешение почаше приобщаться сделали то, что мне теперь нередко приходится отказывать в этом, потому что многие вздумали приобщаться чуть не каждый день. Я нахожу, что этого нельзя. Мы, священнослужители, приобщаемся, мы иначе не могли бы и служить»[43]. Поэтому

на слова духовной дочери Е.Духониной, что она причащается раз в две недели, отец Иоанн «как-то особенно оживленно сказал: «И превосходно делаешь, чаще и не нужно; и я бы чаще не причащался, если бы не должен был это делать, благодаря своему званию. Ты прекрасно поступаешь, совершенно справедливо и правильно»»[44].

Можно ли послаблять пост по болезни или по каким-либо другим обстоятельствам? — Отец Иоанн очень серьезно относился к соблюдению постов. В своем дневнике он писал: «Кто отвергает посты, тот забывает, от чего произошло грехопадение первых людей (от невоздержания) и какое оружие против греха и искусителя указал нам Спаситель, когда искушался в пустыне (постясь сорок дней и ночей)...»[45]. В жизни отца Иоанна был такой эпизод. Однажды во время Великого поста он тяжело занемог. Врачи объявили, что больной непременно умрет, если немедленно не будет есть скромной пищи. Отец Иоанн согласился нарушить пост только с благословения матери. Но на письмо, посланное в родительский дом, он получил такой ответ: «Посылаю благословение, но скромной пищи вкушать Великим постом не разрешаю ни в коем случае». Однако, несмотря на пророчества врачей, здоровье отца Иоанна не ухудшилось, и скоро он выздоровел.

Но в отношении пасомых отец Иоанн не был бездушным фарисеем, возлагающим на других бремена неудобносимые (Ср. Мф.23,4). В проповедях и в частных беседах он не раз говорил, что «немощному, и больному, и неимущему Церковь разрешает в пост скромную пищу»[46]. Ведь пост — это прежде всего воздержание души, а телесное воздержание — только хорошее подспорье в этом. «Многие христиане... считают грехом съесть, даже по немощи телесной, в постный день что-либо скромное и без зазрения совести презирают и осуждают ближнего, например, знакомых, обижают или обманывают, обвещивают, обмеривают, предаются плотской нечистоте. О, лицемерие! лицемерие! О, непонимание духа Христова, духа веры христианской! Не внутренней ли чистоты, не кротости ли и смирения требует от нас прежде всего Господь Бог наш»[47]. «Кушай то, к чему привыкла, — советовал отец Иоанн своей духовной дочери, — но только соблюдай пост в количестве и качестве, отказывая себе в том, что больше нравится, и в лишнем против того, что необходимо для питания»[48].

Обращаясь к личности святого праведного Иоанна Кронштадтского, невольно воскликаешь: «Дивен Бог во святых Своих». Не где-то, не когда-то жил этот величайший Угодник Божий, а совсем недавно и, можно сказать, среди нас; жил, подтверждая собственные слова: «Жизнь не худа и теперь. Условия жизни одни и те же, и люди одни и те же, что были раньше, только надо нам трудиться и нести тот же подвиг, какой несли первохристиане. И в далеком будущем жизнь нисколько не изменится. Труженики и деятели всегда возможны и будут всеми приветствуемы. Говорю опять, только нужно трудиться и работать над собой день и ночь. Царство Божие на земле, внутри нас, а не где-то там, в далеких пространствах солнц и созвездий, не на каких-то таинственных, нам неведомых островах»[49]. Радостно становится от этих слов. Ведь источником духовного совершенствования для отца Иоанна было богослужение и, прежде всего, Божественная Литургия. Значит и мы имеем возможность приобщаться к тому же Источнику жизни и радости — Святой

Чаше и всем таинствам Церкви.

Отец Иоанн был, по словам епископа Арсения (Жадановского), «гением пастырства»[50], поэтому нам особенно дороги его мысли и благодатные озарения, касающиеся пастырского служения. Сам искушен быв, может и искушаемым помочи (Евр.2,18) — эти слова можно, наверное, поставить эпиграфом ко всему наследию отца Иоанна, к которому будем стараться чаще с благоговением обращаться, чтобы черпать бесценные советы и наставления, мысли и рассуждения о «высшем из всех званий на земле»[51] — звании священническом.

Использованная литература:

- [1] Свенцицкий В., прот. Монастырь в миру: Проповеди и поучения за 1921–1926 гг. М., 1995. Т.1. С.32.
- [2] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Мысли христианина. М.: Правило веры, 1998. С.606.
- [3] Иоанн Кронштадтский, св., прав. Автобиография. // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев: Сборник / Сост., коммент. А.И.Стрижева. М.: Отчий дом, 1997. С.14.
- [4] Цит. по: Источник живой воды: Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского / Сост. Н.И.Большаковым. Репринт. СПб.: Царское дело, 1997. С.138.
- [5] Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Репринт. М.: Паломник, 1994. Вып.2. С.163.
- [6] Там же. Вып.3. С.167.
- [7] Зыбин А.Из книги «Иоанн Ильич Сергиев, ключарь Андреевского собора» // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С.246.
- [8] Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца прот. А.Мечева / Сост. Фомин.С. М., 1997. С.276.
- [9] Варнава (Беляев), еп. Основы искусства святости: Опыт изложения православной аскетики. Нижний Новгород: Изд. Братства во имя св. Кн. Александра Невского, 1998. Т.4. С.305.
- [10] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Полное собрание сочинений. Т.6: Мысли о Церкви и православном богослужении. СПб., 1905. С.168-174.
- [11] [Евдоким (Мещерский), архиеп.] Два дня в Кронштадте. С.69.
- [12] Там же.
- [13] Арсений (Жадановский), еп. Аскетические советы: Духовный дневник. М.: Изд-во имени свт. Игнатия Ставропольского, 1997. С.72.
- [14] Вениамин (Федченков), митр. Божии люди. С.201.
- [15] Поселянин Е.Душа перед Богом: Духовные впечатления мирянина. Репринт. СПб.: Сатис, 1996. С.182.
- [16] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Беседа с Сарапульскими пастырями // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С.19.
- [17] Серафим (Чичагов), митр. Да будет воля Твоя: В 2-х чч. М.; СПб: Паломник; Нева-Ладога-Онега; Рюрик, 1993. Ч.1: Ищите Царствия Божия. С.270.
- [18] Старец Силуан: Жизнь и поучения. М.; Минск: Воскресение; Университетское, 1991. С.423.
- [19] Цит. по: Варнава (Беляев), еп. Основы искусства святости. Нижний Новгород, 1997. Т.3. С.19.
- [20] Цит. по: Там же.
- [21] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Дневник за 1970 г. // ГАРФ. Ф.1067.Оп. 1. Д.15. Л.31 об.
- [22] Он же. Полное собрание сочинений. Репринт. СПб., 1994. Т.4.. С.14.
- [23] Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С.400-401.
- [24] Из дневника прот. И.И.Сергиева // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. №22. С.724.
- [25] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Мысли христианина. С.269.
- [26] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Мысли христианина. С.273.
- [27] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Полн. собр. соч. СПб., 1994. Т.2. С.461.
- [28] Он же. Беседа с Сарапульскими пастырями // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С.22.
- [29] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Живое слово мудрости духовной. С.77–78.
- [30] Цит. по: Учение отца Иоанна Кронштадтского о молитве: По его дневнику // Русский Паломник. 1900. № 1. С.3.
- [31] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Мысли христианина. С.603.
- [32] Он же. Полное собрание сочинений. Т.5. С.112.
- [33] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Полное собрание сочинений. Т.5. С.412.
- [34] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Дневник: Последние записи. С.6.
- [35] Цит. по Сурский И.Цит. соч. С.158-159.
- [36] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Полное собрание сочинений. Т.5. С.14.
- [37] Он же. Дневник за 1870. // ГАРФ. Ф.1067. Оп.1. Д.15. Л.60.
- [38] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Полное собрание сочинений. Т.6: Путь к Богу. С.281.
- [39] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Полное собрание сочинений. Т.4. С.25.
- [40] Он же. Мысли христианина. С.337.
- [41] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Дневник за 1870 г. // ГАРФ. Ф.1067. Оп.1. Д.15. Л.133 об.
- [42] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Душа-христианка. С.245-246.
- [43] Цит. по: Духонина Е.Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский: Дневник духовной дочери. М.: Отчий дом, 1998. С.77–78.
- [44] Там же. С.256.
- [45] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Мысли христианина. С.386.
- [46] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Полное собрание сочинений. Т.2. С.414.
- [47] Он же. Полное собрание сочинений. Т.2. С.664.
- [48] Духонина Е.Цит. соч. С.18.
- [49] Цит. по: [Евдоким (Мещерский), архиеп.] Два дня в Кронштадте. С.136.
- [50] Арсений (Жадановский), еп. Цит. соч. С.318.
- [51] Иоанн Кронштадтский, св.прав. Божественно-чудодейственная сила Христова // Вера и Церковь. 1899. Т.1. Кн.1. С.3.

Митрополит Вениамин (Федченков)

Главы из книги «Небо на земле»
Печатается в сокращении

ВЕЛИКИЙ СЛУЖИТЕЛЬ ЛИТУРГИИ

Насколько нам известна история Церкви, даже в лице святых ее, — кажется, никогда не было такого восторженного совершителя, любителя, поклонника и восхвалителя Божественной литургии, как «батюшка» отец Иоанн «Кронштадтский» (Сергиев). Правда, мы знаем еще великого светильника и отца Церкви, святого Иоанна Златоуста, превозносившего высоту и величие Евхаристии; и сам он, устрашенный безмерным значением ее, даже убежал сначала от священства, написав потом другу своему, некоему Василию, знаменитые семь слов о священстве, где он объясняет и причину своего малодушия, и высоту пренебесного таинства. Но все же, кажется, и этот великий учитель Церкви едва ли восторгался Литургией, говорил о ней, влек к ней собственным восхищением и словом более, чем блаженный отец Иоанн. Он совершал ее ежедневно и часть своих дивных переживаний запечатлев в своем дневнике «Моя жизнь во Христе». Читая его, неотразимо увлекаешься подобными же чувствами почитания, сознания пользы и спасительности Литургии, и желанием участия в ней. И особенно ценны и убедительны его мысли потому, что все они написаны им с собственного опыта, взяты из его живой «жизни во Христе». Это не надуманные советы проповедника, не холодные размышления богослова, а пережитые восторги тайнозрителя откровений пречудесных.

А так как Церковь наша приняла его творения к употреблению, почитанием же памяти отца Иоанна, как праведника, освятила его мысли и чувства, то должно считать, что его суждения и переживания вполне истинны, православны, благодатны, церковны, а значит, и для нас несомненны, авторитетны, бесспорны.

Наконец, важно и то, что он жил в наши дни: мы его еще видели сами, созерцали его служение, служили с ним, и своими очами видели, что все, написанное им, было действительно его жизнью, его слово было делом. И нам, современникам

великого служителя, особенно и дорого, и ценно, и убедительно, и увлекательно, что такой пламень веры и восхищенного опыта был в наши дни маловерия, охлаждения, безбожия, даже богооборчества. Точно пророческая молния, в лице отца Иоанна указан нам путь исхода из того мрака, который надвинулся на нашу Церковь и страну еще при жизни «батюшки» — это святая Литургия.<...>

«О высота, о величие, о лепота и сладость Божественной литургии! О богатство духа и блаженство наше! Во время Литургии небо и земля со-

четаваются: Бог — с человеками; небесные Ангелы с человеками земными; все лики святых праотцев, патриархов, мучеников, преподобных, и всех святых! О какой светлый, святейший, любвеобильный, небесный, прекрасный, блаженный союз! А мы, страстные, часто не замечаем, не видим сей благодати Божией — таких вышеестественных щедрот великодоровитого Бога нашего! И уничижаем себя непрестанно житейскими страстями, отпадаем от такой высоты искупления своего, от такого блаженного вечного союза, от союза

с Богом, с Богоматерью, с ангелами, со всеми святыми, со всеми верными на земле христианами! О, воспряни духом, возносись всякий день и час, сын Церкви православной и не пресмыкайся по земле умом и сердцем! Там твое отчество, твой вечный живот, там Отец будущего века и Творец видимого и невидимого, предназначивший тебя для века бесконечного, а здесь только время и место твоего приготовления, твоей борьбы с грехом, твоих подвигов, искушения терпения твоего.

«Чудная, величественная, божественная на земле служба Литургия!»

«Превысочайшее и животворящее служение Литургии Божественной...— служение на земле небесное, страшное и Ангелам, ибо во время Литургии священодействуется и преподается в пищу и питие верующим Божественное Тело и Божественная Кровь Самого Бога».

«О сколь величественна, свята, спасительна, вожделенна Литургия для христианина! Храм истинно делается небом! Ибо Бог в Троице нисходит на Святый животворящий престол каждый день и совершаает величайшее чудо милосердия Своего, претворяя хлеб и вино в Пречистое Тело и Пречистую Кровь Сына Божия, и удостаивая верующих причастия Их».

«Литургия и вообще богослужение нашей православной Церкви, праздничное и будничное, особенно праздничное,— поставляют нас в **живейшую связь** с Главою Церкви, Господом Иисусом Христом и с Пречистою Владычицею Богородицею, с небесными невещественными Силами ангельскими и со всеми святыми, коих мы непрестанно прославляем, благодарим, умоляем о заступлении, помиловании, помощи. Господь сказал: «Се Аз с вами во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20). Присутствие своего Владыки и Бога мы **особенно ощущаем** в богослужении и преимущественно в Литургии, в которой мы существеннейшим образом соединяемся с Ним в причащении святых Его Таин».

«Дух Святый, Сын Божий Иисус Христос, и Вина и Источник Их Бог Отец так близки к нам, как ничто в мире; Они над нами, в нас и через всех нас, особенно во время Божественной литургии. Наипаче Дух Свя-

тый, сшедший в мир ради заслуг Господа Иисуса Христа, всегда с нами, особенно же во время совершения Литургии: как чистейший духовный воздух, как живительный свет и теплота, как елей, как пища и питие духовное, как очищение, как мир, святыня, благоухание, как любовь, как дерзновение и мужество, как сладостная надежда, как животворящая сила, самопомощь державная, как дыхание чистое, как аромат приятнейший, привлекающий всех к Себе и к тому, в ком Он находится, как сладость неизобразимая, чудно услаждающая все существо человека, как красота духовная, чудно украшающая душу и тело человека нетленным украшением! Вот какое сокровище благ духовных, какого Духа, Духа творческого, Зиждителя и Освятителя, исходя действовал нам Сын Божий Иисус Христос».

Читая эти последние слова, вспоминаешь и чудную беседу преподобного Серафима с Н.А. Мотовиловым о сущности христианства, или о Царствии Божием, которое заключается в «стяжании благодати Святаго Духа». И когда Мотовилов все же не понимал, что такое благодать, то по молитве преподобного Господь открыл это опытно: в виде просиявшего сильнее солнца лица отца Серафима, в восприятии сверхъестественной «теплоты», хотя тогда падал снег на них, в ощущении необыкновенной сладости и блаженства, которых так и не смог выразить собеседник, и на конец — в благоухании необычайнейшем, хотя кругом была мертвая зимняя природа. Отсюда, из такого единства духовных переживаний, мы обязаны сделать вывод не только о единстве источника их, т. е. Святаго Духа, но и о подобии духа отца Иоанна с преподобным Серафимом, а следовательно, и об уподоблении ему в святости.

И несомненно все это ощущал батюшка на собственном опыте, как он много раз писал в дневнике своем и других книжках: «Когда причащаюсь Св. Таин,... тогда говорю тайно: Господь во мне лично, Бог и человек, ипостасно, существенно, непреложно, очистительно, освящительно, победотворно, обновительно, обожительно, чудотворно (что я и ощущаю в себе). Затем более ничего не прибавляю от себя».

Поэтому понятно, как отец Иоанн в восторге восклицает:

... «Нет ничего выше и более Литургии — ни на небе, ни на земле».<...>

«Что величественнее, трогательнее, животворнее на земле служения Литургии? Тут изображается и совершается величайшее таинство... единения людей с Богом посредством вкушения Плоти и Крови Его. Это Таинство своим величием поражает ум, невольно влечет к благоговению, благодарению, славословию Божию всякого смыслящего христианина. Дело Божие, совершающее Литургию, преисходит своим величием все дела Божии, совершаемые в мире, и самое сотворение мира. Это истинно небесное служение Божие на земле, при котором быть разумно и достойно — есть блаженство, мир и отрада для души». Но «отчего же люди так часто бывают холодны к Литургии? — от недостатка рассуждения, от маловерия, неверия и от житейских страстей. Отчего любят более театр, нежели Церковь?..» В театре человек «забавляется собою и часто своими собственными пороками, рукоплещет им, одобряет их, и щедро вознаграждает мастерское изображение их. А для Литургии человек бывает в большинстве случаев неподготовлен, недостоин, чтобы жить ее жизнью, чувствовать ее величие и спасительность, проникаться ею, одухотворяться, обожаться: земной к земле и влечется. Но есть и люди, для которых Литургия есть все на свете».

И таким он прежде всего сам был. Про себя он и говорит, как будто о ком другом. И потому он говорит и не наговорится о сладости и красоте ее. «Вот зрелище Божественное — Литургия! Зрелище бесконечной любви, премудрости, всемогущества, правды, святости и обновления человеческого существа, растленного грехом; ощущение бесконечной сладости, красоты, света, блаженства: ибо в сем таинстве сокрыты для смыслящих и благочестивых бесконечная сладость, красота, свет, блаженство, святость, правда вечная, всемогущество, благость и премудрость Божия: не насытится сладким и светлым созерцанием ум, восхищением и блаженством сердце при размышлении об этом таинстве беспредельной любви Божией к погибающему роду человеческому».

Остановимся на момент на приведенных восторгах: три раза подряд об одном и том же и в одних и тех же словах говорит в «восхищении» батюшка о Литургии! Так может говорить лишь пылающее любовью сердце! И люди, любящие друг друга, часто повторяют одно и то же слово «люблю, люблю» — или другое что либо подобное. И им не скучно, а радостно до забвения. Они тоже «не насытятся», сколько бы разных слов ни говорили.

«А мы, — пишет, конечно, не о себе, а о нас, отец Иоанн, — оставляем Церковь».

Но если кто и ходит в храм, так ли он чувствует себя, как должно на Литургии? Не раз приходилось слышать, как христиане говорят:

— «Мне больше нравится всенощная, а не Литургия, полумрак храма, мерцающие лампадки, какое-то мистическое настроение, все это трогает душу. А Литургия скучна для меня».

Какая нищета религиозных чувств оказывается в таких речах! Какое непонимание самой вершины богослужений наших, самой высоты христианства на земле! И отец Иоанн скорбел о таких «христианах».

«Какое счастье, блаженство нашей природы, приемлющей в себя Божество и человечество Христа Бога, и соединяющейся с Ним!.. О, сколько благодеяний подается нам от Бога через Литургию! — Как же к ней христиане относятся? Большею частью с обыкновенною холодностью, невниманием, равнодушием. Причащаются Святых Таин весьма редко, как бы по необходимости и по заведенной привычке, раз в год. Чего же они лишают себя, какого божественного сокровища бесценного, какого бессмертного, животворящего дарования Божия, какой помочи Божией! Вот отчего нет истинной жизни в христианах православных, жизни по духу Христову. Вот почему умножились пороки и бедствия!» <...>

«Есть много причастников, которые причащаются Тела и Крови Христовых неискренно, не с великою любовью, а только **устами и чревом**, с холодностью, с сердцем, пристрастным к пище и питию, к деньгам, или склонным к гордости, злобе, зависти, лености; они сердцем далече отстоят от Того, Кто весь есть любовь,

святыня, совершенство, премудрость и доброта неизреченная. Таковым нужно глубже входить в себя и глубокомысленнее размышлять о том, что есть молитва, и что — причащение. Хладность сердца к Богу — от диавола; он есть хлад тартара, а мы, как чада Божии возлюбим Господа горячайшею любовию. Даруй это, Господи, ибо без Тебя не можем творитиничесоже. (Ин. 15, 5). <...>

«Как мы всегда низки, земны, страстны, недостойны бываем Литургии, этой пренебесной, исполненной беспредельной любви Божией к людям, службы Божией! Мы и к Литургии приходим с своею рассеянностью, с своими страстями и мечтами земными, с своею нечистотою, своею суетностью и своими нарядами и житейскими расчетами, к коим прильнула наша душа. Внимай, душа христианская, что поется в начале Литургии: «Единородный Сыне и Слове Божий... изволивый спасения нашего ради воплотитися...» «Слышишь? Бог для тебя воплотился, сделался человеком... Ценишь ли, чувствуешь ли это? Возвышает ли тебя это?.. Отрывается ли от земли?.. Смотри, как снисходительно, страшно, дивно, ужасно приближается к нам Царствие Божие. «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа». Чу! на земле Царство Божие... О радость, о восторг, о удивление!» <...>

«Литургия — самый лучший пробный камень душевного нашего состояния: живы ли мы, или мертвы? — что в нас гнездится? Какие страсти? какие немоющи душевые?» короче: чем жива душа наша?»

Отец Иоанн жил ею. И жил всецело. И если Литургия есть вершина христианства, то он стоял на этой вершине. И потому, если бы мы ничего не знали об этом восхищенном служителе Евхаристии, если бы мы не видели чудес его, если бы не слышали о его подвижнической жизни, если бы не созерцали его пламенной веры и огненного влияния на людей, и тогда одного лишь восторга его пред Литургией и постоянного пребывания в таком божественном состоянии достаточно было бы для того, чтобы без колебаний почтить отца Иоанна блаженным, преподобным, святым...

И как ему хотелось этот восторг передать другим! Как он хотел, чтобы

мир загорелся подобным же огнем! И потому он не насыщался благовестить о ней!

«О, Литургия, святая, божественная, премудрая, всесовершенная, всеочистительная, всеспасительная, всеосвящительная! Когда я изложу тебе с желанием крайним и радостию в сладких беседах с народом! Есть о чем в сладость и на радость всем верным побеседовать при изложении ее содержания и смысла!.. Чудна твоя сила, твое величие, твоя всеобъемлемость! Ты — хвала и слава Троице всеблагой, всесвятой, единосущней и нераздельней! Ты со-вокупление неба и земли, Ангелов и человеков! Ты низводишь на землю непрестанно Бога воплотившегося и Духа Святого купно со Отцем со-присносущным! Ты землю обращаешь в небо! Ты — земных человеков делаешь небесными! И сколько их со-деяла таковыми — нет числа! Во все прошедшие века и в текущие, — и со-делает в грядущие!»

«Сколь возвышенна Литургия!.. Какой дух небесный! Какая широкая любовь к Богу и людям! Какое небесное сердце! Даждь мне, Господи, дух небесный, сердце чистое, любвеобильное, не связанное никакими житейскими похотями и страстями: ибо «никто из связавшихся житейскими похотями и страстями не может приходить или приближаться, или служить Тебе, Царю Славы!».. Даруй, Господи! Вся земля, со всеми ее сокровищами, красотами, сладостями — **ничто** пред таким таинством, как пречистое Тело и Кровь Господа, как священное действие Литургии!» <...>

... Вот и сейчас пишешь или читаешь эти падающие со стола его восхищения крохи, — и трудно остановиться: как стремительный водоворот, восхищенный дух отца Иоанна увлекает и наши хладные души! А как он увлекал тысячи и десятки тысяч зревших его на Литургии и молитве, — об этом не только слышали мы, но и видели воочию. Свидетели еще живы по всему свету. Потому и ты, читатель, не посетуй: любовь никогда не знает меры. А лучше загорись, вдохновись, восхистись, улети и ты на высоту с этим орлом небесным.

**Митрополит
Вениамин (Федченков).
Литургия верных. —
М.: «Правило веры», 2006. — 592 с.**

Епископ Александр (Семенов-Тян-Шанский)

*Главы из книги «Отец Иоанн Кронштадтский»
Печатается в сокращении*

ОТЕЦ ИОАНН КАК ПЕДАГОГ

Отец Иоанн Кронштадтский в течение 32-х лет своей жизни занимался педагогической деятельностью. С 1857 года он преподавал в Кронштадтском уездном училище, а с 1862 по 1889 год — в Кронштадтской гимназии.

Педагогическая работа отца Иоанна не была отдельной, побочной его деятельностью, но нераздельной частью его пастырского служения, в свою очередь совершенно неотделимого от него самого.

Отец Иоанн не мог не быть педагогом, как не мог не быть пастырем. Педагогической работе он отдавался так же всецело, как всему тому, что делал, в чем и была одна из причин успеха стольких его начинаний. Но такая всецелая самоотдача своему делу соответствовала вполне и основным началам миросозерцания отца Иоанна Кронштадтского, в особенности учению об образе Божием в человеке. Постоянно уча о простоте Бога, отец Иоанн учил одновременно, что и человек, сотворенный по образу Божию, должен быть целостным и простым.

По словам отца Иоанна, Бог, «как простое Существо, не состоит из ряда мыслей, или из множества слов, но Он весь в одной мысли. Весь в каждом слове. Весь... как святой огонь, — проникает каждое слово». И «душа человеческая по природе проста, — говорил отец Иоанн, — все хитросплетенное отталкивает от себя». Отсюда вытекают существенные принципы, лежавшие в основании педагогической деятельности отца Иоанна Кронштадтского: во-первых, тот, что и преподавание должно быть простым. «Позаботимся о возможной простоте преподавания, — говорит отец Иоанн Кронштадтский, — не сором ли оказалось все, что было преподано искусственно, безжизненно? Область знаний безгранична... достаточно выбрать самое необходимое и привести это в стройную систему».

Другой вывод из этого учения о простоте Бога и человеческого духа

заключается в том, что образование должно быть не только простым, но и неотделимым от воспитания, и в известном смысле воспитание должно преобладать, так как простота или целостность человека обусловлена не жизнью ума, а сердца. Самое воспитание, согласно убеждению отца Иоанна, и сводится преимущественно к воспитанию сердца.

«Старайтесь успевать во внутренней сердечной науке — в науке любви, веры, молитвы, кротости, смиренния, ласковости, послушания, чистоты, целомудрия, милосердия, сострадательности... самоотвержения, в науке очищения сердца от всяких нечистых, лукавых и злых мыслей... Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, все прочее приложится от Бога. Qui proficit in littoris, sed deficit in vita, plus deficit, quam proficit».

Стоит ли говорить, что такое воспитание сердца может быть только христианским, так как оно полностью совпадает с учением Самого Христа.

Христианское воспитание сердца есть, в конце концов, обучение любви. «Больше всего учитесь языку любви, самому живому, выразительному языку. Без него знание языков не принесет никакой существенной пользы», — говорит в сказанной на гимназическом акте речи отец Иоанн Кронштадтский.

В другом же слове отец Иоанн сжато намечает уже самый принцип христианского воспитания сердца, а именно: раскрытие его сокровенной глубины для принятия в себя Христа и Его слова. В этой речи, пересказывая блаженного Августина, отец Иоанн говорит: «Учительные голоса извне суть только вспомоществования и увещания... Один только есть Учитель, Который собственно научает — Христос. Его Слово внутри

нас научает; где нет Его слова внутри нас... там слова вне звенящие — шум пустой».

Для успешности такого воспитания нужно еще наличие двух условий: во-первых, чтобы воспитатель-педагог был на высоте положения и, во-вторых, чтобы воспитание было не только **христианским**, но и **церковным**. О том, какова должна быть личность педагога, отец Иоанн Кронштадтский учил не столько словом, сколько делом, вернее, своим примером, но есть у него и очень простые слова на эту тему, в которых все же выражено все главное, что можно сказать: «Духа не угашайте, — пишет он, цитируя святого апостола Павла (1 Фес. 5, 19). — Помни это всякий христианин, особенно священник и наставник детей. Особенно нам нужно всегда гореть духом при нашем высоком служении Богу и человеку».

Что касается необходимости именно церковного воспитания, то про это отец Иоанн писал и говорил постоянно. Вот, для примера, то, что сказал он также в одной из своих речей в Кронштадтской гимназии: «Можно быть ученым, но, увы, негодным человеком... Не ученые ли, например, были французские коммунары, олицетворившие в себе так живо адских фурий? Нам нужно образовать не только ученых людей и полезных членов общества, но и — что всего важнее и нужнее — добрых, богообразных христиан... Дай Бог, чтобы из всех знаний образовалось в душах детей то стройное согласие, та твердая христианская система познаний правил и навыков, которая составляет истинное христианское образование...

Но если наши питомцы, подавляемые множеством уроков собственной светской науки, будут урывать для приготовления их часы от службы Божией, или в храме будут озабочены своими уроками, так что Божественная служба не будет доставлять пищи их уму и сердцу, если они будут скучать в церкви, тогда дело педагогики потерпит весьма сильный урон: ибо **наилучшее педагогическое воспитание доставляет именно**

Церковь своим чудным, небесным, проникающим до костей и мозгов богослужением».

Таковы в основе педагогические взгляды отца Иоанна Кронштадтского, которым вполне соответствовала и его педагогическая деятельность.

* * *

К конкретным педагогическим указаниям принадлежит настойчиво проводимая отцом Иоанном мысль, что **богослужение** может и должно быть лучшим воспитательным средством для образования христианской души. Рассказы об его уроках дают

основание думать, что он и в классе старался как можно более живо объяснять богослужение, дабы потом дети **не скучали в церкви**.

Отец Иоанн касается этого вопроса и в своем дневнике: «Не от того ли холодность к богослужению происходит, — пишет он, — что одни не понимают его, а другие, хотя и учили науку о богослужении, но ее преподавали им сухо, **без примеров**, — одному рассудку, тогда как богослужение, будучи высоким созерцанием ума, есть вместе и по преимуществу, мир, сладость и блаженство для сердца».

Отец Иоанн своим духовным го-

рением умел зажигать духовный огонь в своих учениках как во время уроков, так и во время богослужения. Тем не менее, не следует думать, что отец Иоанн полагался только на свое внутреннее горение и был в своем преподавании каким-то импровизатором; напротив, он считал необходимым, чтобы преподаватель подготовлялся к урокам, и, вероятно, и сам к ним готовился. Вот его слова на эту тему: «Учишь ли детей своих или чужих, обращай дело в служение Богу, уча их с усердием, занимаясь **предварительно обдумыванием** средств к обучению ясному, вразумительному, полному (по возможности) и плодотворному».

Постоянно отстаивая права Закона Божия и религиозного воспитания и борясь с перегрузкой детей другими уроками, он, конечно, не отрицал других знаний. В частности, в одной речи он оправдывает и объясняет подробно необходимость изучения греческого языка.

К другим частным **конкретным** приемам религиозного воспитания и преподавания Закона Божия, согласно некоторым воспоминаниям учеников отца Иоанна, принадлежат еще отсутствие наказаний, спрашивание в первую очередь уроков учеников, вызвавшихся отвечать, живой пересказ Священного Писания, сопровождаемый чтением избранных мест, например, Евангелия или жизней святых. К этому нужно добавить еще допущение вопросов, превращавшее некоторые уроки в **беседы** со многими участниками. Все вместе взятое можно охарактеризовать как поощрение свободы и отчасти инициативы. С точки зрения современной педагогики это можно определить как некоторый **уклон в сторону активного метода преподавания**. Но все же отец Иоанн преподавал, по-видимому, по обычной, принятой тогда программе: сперва Ветхий, потом Новый Завет, далее богослужение, катехизис, история Церкви. Но не исключается возможность, что, не нарушая рамок официальной программы, он стремился сближать различные отделы курса путем экскурсов из одного отдела в другой. Этим, вероятно, его метод преподавания приближался к так называемому **концентрическому методу**. Такое предположение отчасти подтверждается тем, что отец Иоанн, столь любивший богослужение, придавал ему огромное воспитательное значение и тем, что любил

знакомить детей с жизнью святых, что как будто не входило в обычную программу.

Биограф отца Иоанна Кронштадтского иеромонах Михаил пишет, что «отец Иоанн учит Евангельскому закону, а не текстам, хотя и больше всего ценит подлинный Евангельский текст»; что «у него на уроках изучается история Царства Божия на земле, а не история царей израильских»; что «он больше всего заботится о том, чтобы правды Евангельские были усвоены сердцем учеников».

Не могло не действовать на учеников также и то, что отец Иоанн не наказывал, а вразумлял их беседой и заступался за них перед начальством. Он брал как бы на поруки подлежащих исключению из школы, и, случалось, эти дети потом исправлялись.

Тем не менее, бывал он иногда и резким. Так, одного 16-летнего мальчика, вслух усомнившегося в Божестве Святого Духа, отец Иоанн назвал безбожником и изувером, но ответил на его вопрос и потом вызвал на отдельную беседу, после которой мальчик почувствовал себя обновленным духом.

Свободное, благожелательное отношение к детям не означает, что отец Иоанн отрицал всякое педагогическое принуждение. «Как можно обойтись без принуждения себя? — пишет он. — Как можно и христиан не побуждать и не принуждать к исполнению предписаний веры и благочестия? Не сказано ли в Священном Писании, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). А как не принуждать особенно мальчиков к учению, к молитве? Что из них выйдет? Не ленивцы ли? Не научатся ли они всяко му злу?» Имеется у него еще и такое предупреждение: «Родители и воспитатели! Остерегайте детей своих со всею заботливостью от капризов перед вами; каприз — зародыш сердечной порчи».

Наконец, нельзя забывать, что отец Иоанн был, едва ли не в большинстве случаев, духовником, исповедником своих учеников, а умением исповедовать он, не менее чем своей вызывавшей исцеления молитвой, как раз и приобрел себе наибольшую славу.

* * *

Итак, и писания отца Иоанна Кронштадтского, и воспоминания о нем убеждают нас, что не только

его педагогические взгляды, но и самая педагогическая деятельность тесно связаны с его общим религиозным миросозерцанием. Но нетрудно убедиться, что эта деятельность отвечала и самым глубоким основам его духовного склада.

Отец Иоанн очень любил детей. Особой любовью к ним дышит одно сказанное в гимназии слово: «Вы — дети мои, ибо я родил и рождаю вас благовествованием о Христе Иисусе, духовная кровь моя — наставления мои текут в жилах ваших; я напоил и пою вас, как бы из сосцов матери, молеком словесным. Вы дети мои, потому что я имею вас всегда в сердце моем и молюсь за вас.

Вы — дети мои, потому что я, действительно, как священник — отец, и вы называете меня батюшкой. Дети — это слово очень, очень не нравится диаволу, виновнику нелюбви, злобы и лицемерия, но я, Богу помогающу (с Божией помощью), ни на минуту не повинуюсь ему, и буду не иначе называть вас, как детьми, ибо вы, действительно, дети по вере, по Церкви Божией и по принимающим от меня наставлениям и отеческому руководству... Сказать искренне чужим детям: «Дети», — можно только Духом Святым, Духом Истины и любви».

В другом слове, сказанном также в гимназии, отец Иоанн говорил: «Как красивы цветы, например, олеандры, розы. Глядишь на них и не радуешься, и говоришь: дивен еси Ты, Создатель наш, — не только в человеке Твой образ и подобие, но и в бездушных растениях и цветах... но они все-таки — дерево, сено, как ни хороши. А вот вы, детки, наши растения, или лучше — Божии бесценные. Вы — наши цветы. Что сказано о них — приложимо и к вам».

Этих свидетельств достаточно, чтобы видеть, что педагогическая деятельность отца Иоанна, действительно, происходила из его живой любви к детям, которая, в свою очередь, была, вероятно, истоком его пастырской любви ко всем.

Но, как бы ни была глубока любовь отца Иоанна к людям, и детям в особенности, эта любовь питалась и освящалась его любовию ко Христу.

В этой любви были скрыты для него подлинная сладость и высшее благо — и к ней, к Источнику Жизни, стремился он приобщить всех, кого любил.

Продолжение на стр. 21

**Игумения
Таисия Леушинская
На юбилей отца Иоанна
Кронштадтского**

В день сорокалетия священства

*Позволь и нам, отец безценный,
Почтить твой славный юбилей
Не речью громкой, вдохновенной,
А слабым лепетом детей!*

*Твой праздник —
это общий праздник,
Слились в нем мысли и сердца,
Одна всех цель, одна всех радость:
Почтить любимого отца.
Всех лица радостью сияют,
Всех очи на тебя глядят,
В избытке чувств
все поздравляют*

*И речи громкие гласят.
А ты, — в смирении глубоком
И в простоте твоей святой, -
Всем внемлешь мыслию высокой,
Объемлешь любящей душой!
Красой священства святолепен,
Даров Святою Духа полн,
Как столб стоишь ты, неколеблем
Средь бурь, невзгод,*

житейских волн.

*Светильник веры твой сияет
Для всех, как светлая свеча,
Любви же пламень согревает
Оледеневшие сердца.
По слову древнего Пророка,
«От края небеси с востока
До края запада зари»
Блестят любви твоей лучи.
Вот сорок лет уж миновало,
Как ты жезл пастырства приял:
И твое сердце в том познало,
Что Сам Господь тебя призвал.
Ты духом веры несомненной
Глас Божий в сердце ощущил:
«Паси овец Моих бесценных,
Я Кровью их Себе купил!»
О, пастырь добрий!*

*Ты не дремлешь,
Овец Спасителя пасешь!
В молитве тайно Богу внемлешь,
«Да всяко некия спасешь!»
И счастлив тот, кто пажитъ вер-
ну
В твоей ограде обретет;
Душой простой нелицемерно
Тебя оценит и поймет.*

12-го декабря 1895 года

Епископ Александр (Семенов-Тян-Шанский)

Главы из книги «Отец Иоанн Кронштадтский»

Продолжение. Начало см. на стр. 18--20

О ЧУДЕСАХ. СИЛА МОЛИТВЫ ОТЦА ИОАНН. ЧУДОТВОРНОСТЬ МОЛИТВЫ ОТЦА ИОАННА И СИЛА НАРОДНОЙ ВЕРЫ В НЕЕ

Молиться отца Иоанна об исцелении больных подвигла одна благочестивая старушка. Это была не какая-либо обыкновенная почитательница отца Иоанна, а старица Параскева Ковригина, с ранних лет посвятившая себя Богу и позже известная многим различными духовными дарованиями, в частности, и своей прозорливостью.

Один из учеников преподобного Серафима Саровского иеромонах Илларион направил ее в Кронштадт послужить отцу Иоанну, провидя в нем светильника Церкви. С первой же встречи с ним в Кронштадте, несмотря на то, что тогда отец Иоанн был мало кому известен, она духовно оценила его и своими рассказами о нем много помогла его известности. Ее любовное служение людям было разносторонним. При отпевании ее сам отец Иоанн сказал: «Ты своим словом и примером многих привела к Святой Церкви и благочестивому житию, многих научила чаще исповедываться и приобщаться Святых Таин».

Широкая всероссийская известность отца Иоанна, как молитвенника-целителя, началась с опубликования в 1883 году в газете «Новое время», в номере от 20 декабря, благодаřственного заявления за подписью многих десятков лиц.

Подпиавшиеся заявляли, что они благодарят отца Иоанна «за оказанные... исцеления от многообразных и тяжких болезней, которыми... страдали и от которых ранее не могла... (их) исцелить медицинская помощь, хотя некоторые... подолгу лежали в больницах

и лечились у докторов». Благодарность приносилась также и за исцеления от «немощей нравственных». Кончалось заявление так: «Стараясь твердо памятовать сами, сообщаем и для других единственный, преподанный нам многодостойным пастырем-исцелителем... спасительный совет жить по Божией правде и как можно чаще приступать к святому Причащению».

* * *

Отец Иоанн, по молитвам которого совершилось столько чудесных исцелений, видел в них более всего свидетельство о чудотворной силе Евхаристии, призванной всегда порождать другое великое чудо — чудо воскресения человеческих душ. При этом он всегда сознавал, какой беспощадной борьбой с духом зла сопровождается приближение к источникам благодати.

В начале своей пастырской деятельности, как это он сам поведал, он даже не считал возможным просить Бога о безусловном выздоровлении болящих. Тогда он не видел и необходимости внешних чудес, и, в частности, чуда исцелений в наше время. «Теперь только некоторые из чудес совершаются Святыми Божиими, — говорил он в одной своей проповеди, — да не ныне и не нам делать такие чудеса. Но они и не нужны! Довольно для нас и того величайшего чуда, которое однажды навсегда совершено Сыном Божиим.

Мы разумеем чудо воплощения Бога Слова — Его страданий, крестной смерти за нас и воскресения из мертвых. Грех

нам было бы желать еще чудес; только род лукавый и прелюбодеинный знамения ищет (Мф. 12, 39) — это чудо превышает собою и должно заменить для нас все чудеса. Оно пролило на тленный мир наш неисчерпаемые токи жизни и бессмертия... Нам теперь нет надобности исцелять всяких больных, тем более воскрешать наших мертвцевов... Зачем, по природе тленное, тело воскрешать для вторичного мирского растления, когда оно как зерно легло в землю для перерождения в тело нетленное».

Но позже, как мы знаем, отец Иоанн сам стал молиться об исцелениях и часто получал просимое. Он понял, что на это есть воля Божия, и что даже простое человеческое милосердие требует возможного облегчения и временных страданий.

* * *

Несмотря на это, взгляды отца Иоанна на смысл чудес не изменились, и за высшие чудеса он продолжал считать все искупительное дело Спасителя и духовное воскресение человеческих душ.

«Спасение от греха, проникшего все существо наше наподобие бумаги, пропитанной маслом, — пишет он, — есть **действительно чудо**, возможное только под условием веры в Иисуса Христа, крещения во имя Святой Троицы и теплого покаяния, **дарованного нам за Его страдания и смерть и под условием причащения Святых Его Таин**».

На это чудо обращал он более всего внимание, когда говорил об истории христианской Церкви:

«Читайте историю жизни святых, историю Церкви, и вы воочию увидите все эти чудеса в жизни святых, вы увидите волков, обратившихся в агнцев, блудников и блудниц — в праведников... Людей власти и земного величия и роскоши увидите в смиренном одеянии икона».

* * *

Среди чудесных исцелений, совершенных при посредстве отца Иоанна Кронштадтского, надо прежде всего остановиться на тех, о которых поведал нам он сам. Более всего он говорит об исцелениях, совершившихся в непосредственной связи со Святым Причащением.

«Некто, бывши смертельно болен воспалением желудка девять дней и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий, — пишет он, — лишь только причастился... к вечеру стал здоров и встал с одра... Причастился он с твердою верою. Я молился о нем Господу, чтобы Он исцелил его... Я молился между прочим так: «Господи! Жизнь наша! Как мне мыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь, как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели (убо) раба Твоего Василия от лютой его болезни», — и благополучивший Владыко помиловал его... Слава всемогуществу Твоему, Господи!»

Вот еще свидетельство о двух подобных же исцелениях: «Дивлюсь величию и животворности Божественных Таин: старушка, харкавшая кровью и обессилевшая совершенно, ничего не ёвшая, от причастия Святых Таин, мною преподанных, в тот же день начала поправляться.

Девушка, совсем умиравшая, после причастия Святых Таин в тот же день начала поправляться... Слава Животворящим Твоим Таинам, Господи!»

В другом месте свидетельство о чудотворной целительной

силе Святых Таин отец Иоанн выражает уже в форме призыва: «Приглашайте в дом духовного отца с Божественными Таинами Тела и Крови Господней и верьте, что, как Иаир, не будете посрамлены в своем уповании. Сколько примеров было и при моем духовном требоисполнении, что больные, обращавшиеся прежде всего за помощью к Богу, прибегавшие к покаянию и причащению... быстро поправлялись».

* * *

Но не всегда отцу Иоанну удавалось причащать больных. Нередко приходилось ограничиться молитвой об исцелении в квартире или у самого ложа болящих. Начинал он обычно с краткого водосвятного молебна, а самой молитве об исцелении больного предпосыпал молитву о прощении его грехов. Большею частью молитва отца Иоанна в этих случаях была импровизацией и поражала своей пламенностью, требовательностью и простотой. Он сопровождал ее иногда повелением встать, возложением рук и, почти всегда, кроплением святой воды.

К исцелениям после водосвятного молебна относится, например, исцеление княжны Ирины Владимировны Барятинской, впоследствии в замужестве Мальцевой. Этот случай интересен тем, что первое свидетельство о нем появилось очень давно, а именно в 1892 году, в газете «Гражданин», и вновь запечатлено в 1938 году в письме уже состарившихся свидетельниц его — сестер исцеленной.

Случай заключался в том, что «прикованная уже два года к креслу вследствие паралича ног тринадцатилетняя девочка после молитвы отца Иоанна к неописуемой радости всех встала и пошла». Больную лечили лучшие врачи — специалисты Раухфус, Рыбалкин и Мержеевский.

Очень показателен также, благодаря авторитетности его автора (он сын многолетнего сотрудни-

ка отца Иоанна Кронштадтского, старосты Андреевского собора) и по содержанию (любовь к детям), рассказ бывшего капитана 1-го ранга А.В.Никитина. Он передает как, будучи кадетом Морского корпуса, он заболел брюшным тифом.

«Мое положение стало критическим, — пишет он, — и я уже был почти без пульса; в это время отцу моему удалось отыскать отца Иоанна. Было позднее время, почти ночь, когда отец Иоанн вошел в нашу палату, подошел к моей койке и сказал: «Андрюша!» Бывши последнее время без сознания, я сразу пришел в себя, узнал «нашего» батюшку и улыбнулся ему. Отец Иоанн стал на колени у моей койки и сказал: «Помолимся». Кто был около — тоже опустились на колени. Отец Иоанн жарко и горячо молился, я же в полном сознании повторял молитвы. По окончании молитвы отец Иоанн благословил меня, а моей матери сказал лишь: «Поправитесь!» С этой ночи я быстро стал поправляться и вскоре был совсем здоров».

* * *

Показаний о даре прозорливости, который различным образом проявлялся у отца Иоанна, также немало. Имеются рассказы о том, как он называл по имени людей, которых не знал, как предсказывал некоторым, мимоходом, их будущую судьбу, предугадывал чью-либо скорую кончину, разоблачал недоверчивые и дурные мысли о нем самом. Те, кому знакомы примеры высокой религиозной духовности, не будут удивляться этим рассказам. История русского старчества полна такими примерами как же, как и жития многих прославленных святых.

Даже если отдельные случаи, в которых на самом деле было лишь простое совпадение, почитатели отца Иоанна растолковывали как прозорливость, то самые факты таких толкований есть свидетельство о некоторой духовной силе того, чьи действия так толку-

ются. Правда, и шарлатаны и лже-пророки вызывают порою к себе особый интерес и могут вызвать поклонение, но в этих случаях все это бывает не на духовную пользу или же не затрагивает глубоких сторон души и жизни.

Напротив, подлинная или только даже предполагаемая прозорливость таких людей, каким был, например, отец Иоанн, обычно оставляет благотворный и глубокий след в тех, кто был свидетелем ее проявлений. Так, например, предвидение отцом Иоанном чьей-либо скорой кончины сопровождалось его стараниями причастить находящегося под смертной угрозой. Вручение им неожиданно кому-либо большой суммы денег спасало от острой нужды и отчаяния. Разоблачения же скептического к нему недоверия заканчивались обычно пробуждением и укреплением истинной веры в тех, кому ее не хватало.

Дар прозорливости, как все прочие проявления чудотворных сил святых и праведных людей, есть, в конце концов, также свидетельство о наличии в них Божественной Любви.

* * *

В беспристрастных и единствен-но достойных самого отца Иоанна трудах о нем нельзя умалчивать о чем-либо, что, по крайней мере на первый взгляд, может умалить величие его духовного облика, поэтому и здесь нельзя скрыть того, что не все его молитвы о выздоровлении завершались исцелениями. Бывали случаи, что они не происходили. Поэтому вопросуanonimnyy, но спокойно-деловитый составитель появившейся еще в 1893 году книги «Жизнь и труды отца Иоанна Сергиева-Кронштадтского» пишет: «Легкомысленно было бы думать, что всякий больной, обратившийся в критическую минуту к молитве отца Иоанна, получал обязатель-но исцеление. Тогда это была бы какая-то клиника, в которую обра-щались бы все «на случай», как теперь обращаются ко всякого

КРОНШТАДТСКИЙ ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН ИЛЬЧЪ СЕРГІЕВЪ.

рода знахарям и шарлатанам. Если мы знаем сотни случаев, когда молитва отца Иоанна спасала больных и помогала умирающим, то мы знаем также тысячи случаев, когда к нему писали и ездили «на авось», но никакой помощи не получали. «Молитесь, Господь поможет вам по вере вашей», — говорит всегда отец Иоанн, и в этом смысле молился сам. Очевидно, если к молитве обращаются «на случай», как к соломинке, за которую хватается утопающий, то нечего и ждать от отца Иоанна какой-либо помощи. Те, сравнительно немногие, которые находили нравственное или физи-

ческое исцеление у отца Иоанна, были люди или набожные, или проникшиеся в ту минуту твердой и непоколебимой верой в возможность (проявления) чудесной силы Божией, ниспосыпаемой по молитве людей, сильных верою и благочестивой жизни».

Пути Господни неисповедимы, и поэтому приведенное мнение за исчерпывающее объяснение признать нельзя. Но если бы даже причины «несостоявшихся исцелений» могли иногда находиться в самом отце Иоанне, то и это едва ли может обесславить его как молитвенника-целителя. Ведь даже и святой че-

ловек — не безгрешен и потому не всегда в равной степени может быть проводником божественной благодати.

* * *

В противовес всему только что сказанному (что не меняет отношения самого автора настоящего труда к отцу Иоанну), нельзя не упомянуть о существовании рассказов как бы прямо противоположного характера, а именно о посрамлении неверующих в его молитвенную силу и в особенности желавших над ним подшутить.

Так, во многих трудах об отце Иоанне рассказывается о том, как два студента пригласили его помолиться об исцелении притворившегося больным их товарища. После посещения отца Иоанна притворщик был разбит действительным параличом и поправился только после искреннего покаяния всех троих.

Этот случай описывался во многих изданиях еще при жизни отца Иоанна, который, вероятно, опроверг бы все описанное, если бы оно не соответствовало действительности.

* * *

В русском языке слово «чудесный» имеет двойное значение. С одной стороны, оно указывает на что-то, чего нельзя объяснить на основании законов природы или что объясняется вмешательством высшей сверхприродной силы, с другой, слово «чудесный» равнозначно высшей степени прекрасного.

Возможность обозначать одним словом два понятия в данном случае свидетельствует о гении русского языка, потому что здесь открывается глубочайшая истина. Мы поймем это, если захотим увидеть, этот двойной смысл в **чудесных** событиях евангельской и христианской истории.

Изгнание бесов, исцеление больных, воскрешение мертвых, возрождение человеческой души — все это **чудесно** в обоих смыслах этого слова. В этих событиях откры-

Орган „Общества в память о Иоанне Кронштадтского“.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЪЛЬНО.

ПОДПИСНАЯ ЦИНА съ доставкой:
1 годъ 3 руб. 6 мѣс. 1 руб. 50 коп., 3 мѣс. 75 к.
опускается разсрочка. За границу за 1 годъ 5 руб.
перевозка вареса 21 коп. марками. Отдельный №
томъ 5 коп. Объявления помѣщаются только на
следней страницѣ за 30 коп. за строку пятити въ
страницѣ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:
открыта по буднямъ отъ 10 ч. утра до
3 ч. дни. Адресъ редакціи: СПб., Кар-
повка, д. 41. Телефонъ редактора 71-53.
и 583-78.

ГЛАВЛЕНИЕ: Объясненіе смысла винкетки.—Портретъ о. Иоанна Кронштадтского.—Стихотвореніе.—
ривѣтъ „Кронштадтскому Пастырю“.—Отъ редакціи.—Изъ привѣтственныхъ писемъ въ редакцію—
слова благословія.—Мысли и сельы о. Иоанна.—Свѣтлой памяти доброго кронштадтскаго пастыря.—
житія о. Иоанна.—Достопамятные дни моей жизни.—На стражѣ православія.—Съ Новымъ го-
домъ.—Краткая Лѣтопись.—Лепта.—Изъ жизни и деятельности Общества.—Объявление о подпискѣ.

Благословеніе смысла винкетки, къ журналу «Кронштадтскій Пастырь», данное самимъ составителемъ
ек. Протоіерѣемъ Василіемъ Ивановичемъ Маренинымъ:

«Онъ, воистину былъ свѣтильникомъ возженнымъ для Руси, и не погасъ этой свѣтильникъ, задерживаемый теперь у его бренныхъ останковъ Ангеломъ-Хранителемъ этихъ останковъ. Его вѣра
истинительно была истинными источниками наставлений и научений вѣръ для живущихъ. Чаша
изъ и спасенія, которую о. Иоаннъ предлагалъ вѣрѣ, какъ основа единенія со Христомъ и вы-
зывалъ нашу вѣру въ Него и въ Его Крестъ, какъ соконкупство всего великаго дѣла Христова—
находится на фонѣ мѣдя Его гробомъ. Евангеліе наше эпиграфомъ символъ скаженійничества.—Ды-
шющееся художество вѣчнаго изваянія Богу — движимою же Святыми Своими. На фонѣ винкетки виднѣется
ропотацкій Соборъ, откуда чѣмъ позѣѣ раздавалось слово о Иоанне и танѣ же Господа Своего
нагодатѣмъ украшали служители Святаго и чѣмъ свѣтильники подсияли.

вается, с одной стороны, действие надприродной, божественной силы, а с другой — высшее торжество красоты, смысла над бессмыслицей, света над тьмой, жизни над смертью, вечности над тленiem, любви над холодом зла.

Естественно поэтому, что христианская душа русского народа, дорожа всяким отражением небесного света в темном земном мире, так тянулась к тем, кого считала чудотворцами. И отец Иоанн Кронштадтский, который был одним из них, в свою очередь, любил русский народ, несмотря на всю его темноту, конечно, за эту тягу к свету, которая сама по себе была некоторым чудом.

В этой чудесной тяге к чудесному живет нечто вечно детское, что есть

в то же время и вечно человеческое. Любя детей, отец Иоанн не мог не любить и своего, пусть грешного, пусть страшного, но таиншего детскую простоту народа.

Вероятно, поэтому и в густой народной толпе, порою страдая от нее, он все же почерпал и новые духовные силы.

Там, где есть эта жажда чуда, то есть, в конце концов, жажда прекрасного и совершенного, все, даже самое простое, обычное, становится чудесным, и там легко совершаются настоящие чудеса.

**Епископ Александр
(Семенов-Тян-Шанский).**
Отец Иоанн Кронштадтский. —
Клин: «Христианская жизнь»,
2004. — 400 с.

ИМЕНЕМ ХРИСТОВЫМ — — ответы отца Иоанна Кронштадтского на вопросы о духовной жизни

В центре жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского всегда был Господь Иисус Христос. В речи на сорокалетие своего священства (12 декабря 1895 г.) отец Иоанн говорил:

«Как духовный воин, я должен был зорко следить за злохитрыми действиями неусыпающих, лукавых, злых, невидимых врагов, нападающих на меня через различные страсти и страхования, и часто терпеть наносимые мне от них раны в душе, язвы, смущения, тесноты, поражения; хотя, в свою очередь, и я поражал их оружием веры, молитвы, покаяния, причащения Святых Таин Христовых. И в этой невидимой, но упорной, полной уязвлений душевных браны, от которой страдала и плоть, Господь научал постоянно **руце мои** духовные **на ополнение и персты мои на брань** (Пс. 143, 1), в этой невидимой, жестокой войне я учился искренней вере, упнованию, терпению, молитве, правоте Духа, чистоте сердца, непрестанному призыванию имени Незримого, Державного Победителя ада и Пастыренаачальника Иисуса Христа; и Его именем и силою побеждал врагов и свои душетленные страсти, рыкающие на меня подобно львам, или завывающие подобно волкам.

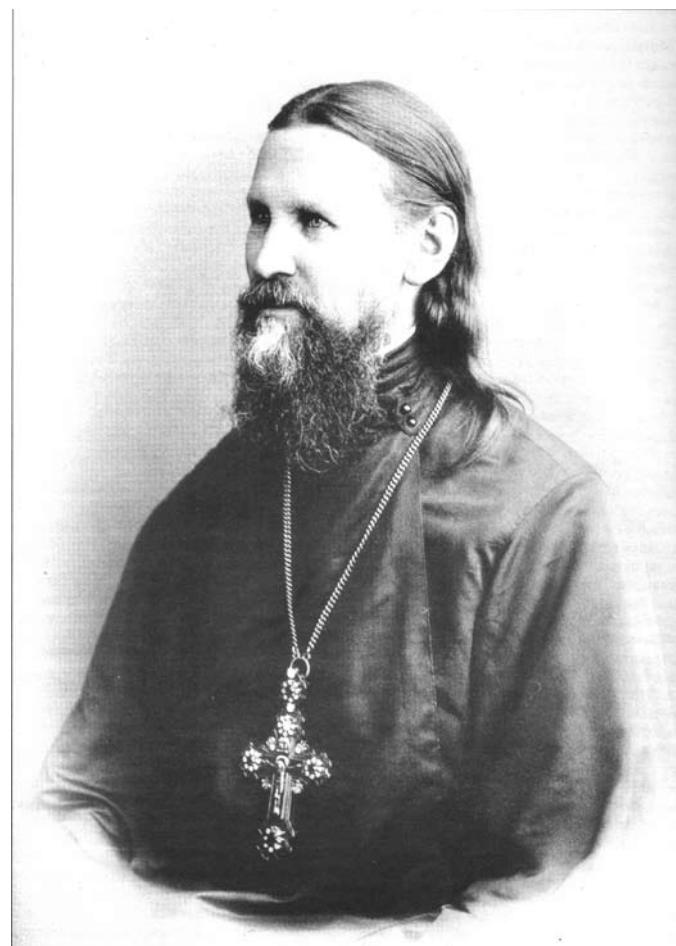
Как духовный страж прежде всего себя самого, своего внутреннего двора, а потом и церковного, то есть Христова словесного стада, я вел почти непрерывный дневник, в который записывал выдающиеся движения борьбы, браны, победы или поражения в моем внутреннем мире и в моей духовной войне, как бы собирая для себя арсенал духовного оружия для отражения будущих нападений врагов.

Также я старался во все воскресные и праздничные дни проповедывать народу слово Божие, коим назидал и укреплял себя и паству.

Бывши законоучителем и воспитателем юношества в местной гимназии, я, уча, — учился, более и более входя в себя и вдумываясь в истины евангельские, в заповеди Божии, в исторические события церковные на пространстве минувших веков и углубляясь в наше дивное, небоподобное Богослужение.

Не бесследно прошли для меня почти ежедневные проповеди в храме и двадцать семь лет моего законоучительства, но углубляли меня в науку великого самопознания и богопознания. И я учился, как и доселе учусь, служить Богу в духе и истине, объемля в моей смиренной молитве, по благодати Божией, «всех и всю», и принося Бескровную Жертву «за всех и за всю».

Непрекаемым был авторитет отца Иоанна Кронштадтского для той части российского общества, которая несла в сердце живую веру. Вот что сказано в Поздравительном адресе, преподнесенном батюшке Обществом религиозно-нравственного просвещения в день пятидесятилетия его пастырского служения (12 декабря 1905 года):

«История духовной жизни народов созидается не массами, а немногими, исключительными личностями, сознательными носителями и яркими выражителями идей, около которых, как около знамен, собираются массы. Не может быть сомнения в том, что к таким историческим личностям беспристрастный суд потомства отнесет и Вас, ибо и теперь народ уже видит в Вас личность исключительную и произносит Ваше имя с благоговением, а «глас народа — глас Божий».

Какое же слово написано на том знамени, с которым пастырствуете Вы, наш достойнейший и любимый представитель, живой образец современного пастырства, имя которого стало собственным именем «Батюшки», пастыря Всероссийского? На этом знамени написано одно слово: «святость!»; и оно-то собрало около Вас миллионы народа русского, православного, носящего идеал святости в тайниках души своей, всегда готового поклониться тому, в ком он видит воплощение этого идеала.

Ваша пятидесятилетняя пастырская деятельность была воистину непрерывным подвигом, служением спасению других. Пастыренаачальник Христос явил Вас избранным сосудом благодати. Ваша крепкая и сильная вера, пламенная, доходящая до Бога молитва, убежденно-проникновенное слово, неисчислимые, беспримерные

Фото о. Иоанна Кронштадтского с духовными чадами

в наши дни дела милосердия и любви — всем ведомые плоды этой живущей в Вас благодати и яркое проявление Вашего служения идеалу святости».

И поныне, спустя вот уже сто лет после блаженной кончины батюшки, мы черпаем из чистого источника духовной мудрости святого праведного Иоанна Кронштадтского, являющегося для нас примером живого союза человека с Богом.

* * *

Ответы отца Иоанна на вопросы о Боге, Церкви, вере, страданиях всегда направляли взор спрашивающего к Первооснове всякого бытия, заставляли обращать внимание не на **симптомы** духовного (как, нередко, и телесного) нездоровья, а на **причину** его, лежащую в глубине сердца и не видимую при поверхностном взгляде: «*Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все*» (Мф. 13, 33). Во всех нас есть закваска греховная, унаследованная от первых прародителей и проникшая глубоко во все существо наше: в душу и тело, в ум, в глубину сердечную, во всю деятельность нашу, во все произвольные стремления наши; как говорит Священное Писание, «*помышление сердца человеческого зло от юности его*» (Быт. 8, 21). И чтобы эту закваску греховную извергнуть и вместо нее положить новую закваску добра, надобно было человеку переродиться или возродить человека водою и Духом Святым. Нужно было Самому Богу сделаться

человеком и привить к Своей чистой от греха природе человеческую природу и насадить в ней, развить и укоренить всякую добродетель христианскую. Нужно было дать человечеству приобщаться Самого Пречистого Тела и Самой Пречистой Крови Богочеловека и сделаться одним духом и телом с Богом. Для этого-то Господь и дал власть Церкви земной совершать Таинство Причастия Пречистого Тела и Крови Христовой и через это сообщать нашей природе Свою Божественную закваску, чтобы вскисло все проникнутое и оскверненное закваскою греха.

«*Царство Небесное подобно закваске, которую женщина (Церковь), взяв, положила в три меры муки (треочастие души — ум, сердце и воля), доколе не вскисло все (стало свято)*».

Извечный вопрос: что в видимом и невидимом мире управляет и царствует — видимое ли, материальное или невидимое духовное личное начало, доброе или злое? — в конце XIX—начале XX века активно обсуждался религиозными философами, социалистами и умеренными сторонниками теории Маркса, так называемыми легальными марксистами. (К слову, многие из этих последних — Петр Струве, Николай Бердяев, Семен Франк и др. — впоследствии отказались от своих материалистических взглядов, публично признав марксистскую теорию несостоятельной, и также примикинули — как Н.Бердяев и С.Франк — к когорте русских религиозных философов.) Отец Иоанн, со своей сторо-

ны, конечно же, не мог не принять участия в полемике, организованной российской интеллигенцией:

«Невидимое управляет видимым, — отвечает он атеистически настроенным оппонентам. — Невидимое добро Начало направляет к добру человечество и споспешствует ему, а злое — устремляет на всякое зло и влечет к нему и распространяет его. Доброе Начало ведет ко всякой добродетели и к Жизни Вечной; злое начало, напротив, влечет ко всякой лжи и грехам, к лишению всякой благодати Божией и к смерти вечной.

Теперь поставим на очередь вопрос: кто руководит видимым, прекрасным, безмерно великим, неизмеримо благотворным для всех тварей миром — небом и землею и всем, что в них и на них?» — вопрошают отец Иоанн Кронштадтский и сам отвечает: «Невидимый, Всемогущий и Всесвятый Творец, проявивший и проявляющий Свои Божественные свойства и совершенства во всех делах Своих. Кто руководит невидимым миром или Ангельским воинством добрых Ангелов, хранящих вселенную от враждебных сил? Всеблагий, Невидимый, Всесильный Бог».

Но если Творец Всеблагий, откуда же тогда враждебные, злые силы в мире, стремящиеся сами и устремляющие людей к смути, крамоле, неповиновению, разрушению и пагубе целых сообществ, сбирающих целых городов и государств? «От злой, невидимой силы бесовской, попущением Божиим за грехи людей, — наставляет батюшка нестойких в вере и склонных к унынию и отчаянию людей. — А в каждом из нас кто управляет и царствует? Господь ли, Царь всей твари, или по попущению Его, за грехи наши, диавол, как в Иуде-предателе? Кого же мы хотим воцарить в себе? Бога или диавола? Конечно, Господа Бога, Творца своего Всеблагого, премирного».

И далее, размышляя о великой любви Творца к Своему творению, отец Иоанн восклицает: «Что за странный и дивный образ и способ промышления Божия о спасении рода человеческого? Безначальный, Всемогущий, бесконечно Премудрый и Праведный, Который мог бы в одно мгновение предать вечной муке гордого и лукавнейшего и злейшего отступника сатану и избавить от его пагубных искушений род человеческий, им прельщенный и прельщаемый непрестанно, доселе попускает ему и дает свободу искушать и прельщать людей, и губить неразумных, страстных к плоти и миру людей, и производить в мире бесчисленные бедствия, а иногда приводить самую природу в смятение через бури, пожары, извержения вулканов и другие пагубные бедствия. И что всего удивительнее, Сам этот Безначальный, Всемогущий Творец благоволил крайне уничижить Себя для спасения погибающего человека; принять вид раба и быть человеком, не переставая быть Богом; пострадать и умереть самою поносною мучительною смертью, чтобы страданиями Своими искупить нас от проклятия и вечных мук. Благоволил просветить омраченный грехом род человеческий Своим зиждительным Словом и беседою с людьми и Своими бесчисленными чудесами. Благоволил нам дать баню пакибытия, или Крещение, от Него получили мы дар Покаяния и Причастия Пре-

чистого Тела и Крови Его. Он основал на земле Церковь, как Небесное училище и врачебницу немощного человечества, где все желающие могут и учиться, и врачеваться, и обновляться, и укрепляться, и обоготворяться.

И что весьма удивительно — избрал просветителями и врачами человечества людей не сильных, не мудрых и не знатных, а простых, незнатных, неученых, простых рыбарей, умудренных больше всех мудрецов мира: простые и неученые победили благодатию Божией знатных, философов, царей и царства. А как Он, Творец, воздействовал благодатию Святого Духа во всех святых, начиная с апостолов! Это были Ангелы земные, трубы Духа Святого, вещавшие Слово Жизни и спасения, просвещения и обновления.

Какой дивный способ спасения рода человеческого! Господь немощное укрепляет, омраченное просвещает, растленное обновляет, смердящее творит благоухающим, осатаненное обожает; впрочем, дает повод и возможность и самому человеку достигать своими усилиями, при помощи благодати, Царствия Божия. Царство Небесное силою берется, говорит Господь, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12). Человеку даны силы и способности, дана благодать, чтобы он сам трудился над очищением и обновлением себя, молился, плакал, творил милостыню и, таким образом, заслуживал милость Божию и очищение грехов и спасение».

Главную опасность для людей отец Иоанн видел в том, что они стали забывать Бога, относиться к вере как к чему-то второстепенному. «В настоящем состоянии человек проникнут весь гордостью, маловерием, сомнением, неверием... злостью, блудом... любостяжанием, скопостью, хулою», — говорил он. В сердце современного человека рядом с Богом находится место — и немалое! — многим страсти. Но в этих попытках соединить несоединимое — корень всех бед.

В Евангелии от Матфея говорится: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твою и всем разумением твоим» (Мф. 22, 37). Почему всем сердцем? «Потому, что Господь все сердце сотворил для Себя, — отвечает отец Иоанн, — чтобы жить в нем, а не часть только — и еще потому, что сердце наше просто и не может служить двум господам — Богу и велиару, или богатству, оно неделимо; и если ты хотя на одну юту отступишь сердцем от Бога, то его не замедлит все занять враг-диавол, ищащий непрестанно поглотить нас. Вот какой психологический закон! Двоиться сердцем крайне опасно и вредно. Слава Тебе, Боже, просто создавшему сердца человеческие и повелевшему нам мыслить, желать и делать все в простоте и избегать всяческих лукавства греховного, диавольского. Источник и виновник всякого лукавства есть диавол. **Избави нас, Господи, от лукавого».**

Но если человек одержим страстями и, не имея сил бороться с ними, «аще семь раз падет и семь раз покается, глаголя: каюсь, — остави Ему» (Ср. Лк. 17, 4), — напоминает отец Иоанн. «Знает Владыка, как Сердцевед, что люди склонны к весьма частым падениям, и падая, часто восстают, потому и дал заповедь — часто прощать

грехопадения, и Сам первый исполняет Свое святое слово: как только скажешь от всего сердца: «Каюсь», — тотчас прощает. «Елижды аще падеши, восстани и спасешися».

И снова отец Иоанн обращает наше внимание на справедливость Спасителя, восторженно восклицая: «Какая благость Господня! Какое беспредельное милосердие! Какое удобство ко спасению! Владыка не отвергает грешника до последнего издохания. Знает Господь нашу немощь, поползновение ко всякому греху с самого младенчества, знает и злоухищрения врагов бесплотных, прельщающих нас ко греху, и долготерпит нам, ожидая покаяния, борьбы и исправления, и дел благих. Не вознерадите».

Но как трудно бывает извергнуть из глубины души своей с искренним чувством: «Каюсь!», еще труднее смириться, когда одолевают скорби и болезни. Тогда, вместо смиренного «да будет воля Твоя, Господи!», так и рвется из сердца вопль: «За что, Боже мой?» Но как по-иному узнать, что кроется в недрах душевных, как не через горести и страдания?

«Человечество, особенно христианские народы, пребывает в борьбе с исконным врагом Божиим и человеческим, по правосудию и милости Божией, и в этой борьбе вырабатываются, как в тисках, добрые качества их душ, сотворенных по образу Божию, и выходят из них чистыми (очищенными) и твердыми в вере и добродетели. Премудрый и Всеблагий Творец через эту борьбу, через искушения испытывает души, как в горниле — золото», — наставляет отец Иоанн. «Господь допускает нам искушения от врага для испытания нашего, для укрепления наших духовных сил в борьбе с врагом и чтобы нам самим видеть больше, на что склоняется наше сердце — к терпению, вере, надежде и любви и вообще к добродетели или к раздражительности, маловерию, ропоту, хуле, злобе и отчаянию».

Поэтому не надо унывать, а благодушно и с терпением переносить находящий в душе мрак, расслабляющий и нудящий к нетерпению и злобе огонь, скорбь и тесноту, зная, что этим Господь испытывает нас, не похулим ли мы путь истинный, путь святой веры и добродетели и не соизволим ли пути лукавому. Поэтому не надо унывать, а благодушно и с терпением переносить находящий в душе мрак, расслабляющий и нудящий к нетерпению и злобе огонь, скорбь и тесноту, зная, что этим Господь испытывает нас, не похулим ли мы путь истинный, путь святой веры и добродетели и не соизволим ли пути лукавому», — замечает отец Иоанн. И тут же вновь возвращает нас к Первооснове нашего бытия, предлагаая единственно спасительные средства, помогающие преодолеть любые скорби: искренние веру в милость Господа и молитву к Нему: «Мы свободны, и сами должны всемерно, всеусиленно укрепляться в вере и доброме, до «положения души своей» за путь правды. А как это будет, если не будет с нами искушений?..»

«Когда сердце твое уклонится в помышления лукавства, и лукавый, как говорится, начнет подмывать твое сердце, чтобы оно совсем **подвигнулось с камня веры**, тогда скажи себе внутренно: «Знаю я свою духовную ни-

щету, свое ничтожество без веры. Скажи: я так немощен, что **именем Христовым** только и живу, и уповаюсь, и веселюсь, распространяюсь сердцем, а без него — мертв душевно, и беспокоюсь, стесняюсь сердцем».

«Человек способен изменяться каждый день и даже каждую минуту. Да, человек может изменяться, если захочет, в добрую или худую сторону, может приобрести богатство веры, покаяния, слез (как преподобная Мария Египетская или пророк Давид), может обнищать и обнажиться от всякой добродетели и облечься во всякую злобу и различные страсти (Иуда и все нераскаянные грешники). Блаженный Августин говорит, что каждый может сделаться или семенем святым, или противным тому. Вошли ли мы во вкус молитвы, покаяния и славословия Божия? Чувствуем ли потребность в непрестанной молитве, покаянии, научились ли презирать и не навидеть нелепый, безобразный и смертоносный грех, разлучающий нас с Богом, и любить, уважать, высоко ценить добродетель и преуспеть в ней, восходя от силы в силу, от добродетели к добродетели, презирая всякую духовную прелесть как пагубную?»

«Молитва нужна не для Бога, а для тебя, ленивый молитвенник или не молящийся вовсе: она — сила, свет, пища и питие для души твоей; охрана твоя, страж твой, безопасность твоя. В тебе сидит, глубоко закутавшись во всякий вид греха, глупый, капризный, своенравный и злой, больной твой ребенок и вместе старый ветхий человек, унаследованный от первого родоначальника, поддавшегося лести диавола — отца лжи, всякого зла. Вот для него-то крайне нужна молитва постоянная, как врачевство, как свет и пища, как руководство; как согрешающему, ему нужно и непрестанное покаяние».

«Молитва основывается на вере. Я верю, что есть Бог, пред Которым я творю свою молитву. Я надеюсь, что молитва моя доходит до Него, или, точнее сказать, — прямо от сердца переходит в уши Его. И в жизни мы руководимся во многом верою и надеждою, тем более по отношению к миру духовному».

«Доколе сердце и ум не вошли во вкус молитвы, дотоле человек молится неохотно, лениво, принужденно и рассеянно; но когда душа войдет во вкус молитвы и вкусит мира, сладости и утешения от Господа, тогда и отстать не захочет от созерцания Господа и от беседы с Ним. Столько утешения дает Господь усердному к молитве! Так Он изменяет душу, само лицо молящегося делается светлым и приятным, подобно как Господь просветился лицом на Фаворе».

«Основание молитвы — стремление образа к Первому образу, как подобного к подобному».

Источники:

Праведный Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной. — М.: Фонд «Благовест», 1997. — 156 с.; Ответы о. Иоанна Кронштадтского на вопросы о духовной жизни/ Составил митрополит Вениамин (Федченков). — Калуга: Синтагма, 1999. — 190 с.; Спасет ли меня Господь?/ Святой Иоанн Кронштадтский о том, как войти в Жизнь Вечную. — М.: ИД «Лествица», 1996, — 160 с.

Из истории храма во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского поселка Пашино Новосибирской области

**Иконостас храма
во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского**

Приход в поселке Пашино был образован в 1996 году и окормлялся священнослужителями собора во имя святого благоверного князя Александра Невского Новосибирска. Церковная служба проводилась в здании бывшего поселкового Совета отцом Константином Работой, штатным священником собора.

27 сентября 1997 года по благословению епископа Новосибирского и Бердского Сергия (Соколова; +2000) благочинным церквей Северо-Восточного округа протоиереем Александром Новопашинским и священником Константином Работой был освящен закладной камень на месте будущего храма во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского. Той же осенью из собора в Пашино перевезли небольшое деревянное здание крестильного храма, и в светлый праздник Пасхи 1998 года настоятелем прихода иереем Евгением

Зверевым в нем было совершено первое богослужение.

Позднее приход в поселке стал окормляться клириками Вознесенского кафедрального собора. 1 июня 1999 года настоятелем был назначен священник Димитрий Николаев.

Шло время, число прихожан увеличивалось, поэтому было принято решение начать строительство более вместительной церкви. 2 января 2000 года, в престольный праздник — день преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского, отец Димитрий совершил малое освящение новопостроенного храма. Из материала старого здания выстроили приходскую школу, в которой сейчас постоянно занимается более двадцати учеников.

21 февраля 2004 года Управляющий Новосибирской епархией архиепископ Тихон освятил колокола храма во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского.

* * *

В сентябре 2000 года по благословению Владыки Тихона священник Димитрий Николаев и группа прихожан совершили паломническую поездку в Санкт-Петербург, к святым мощам отца Иоанна Кронштадтского. Летом 2002 года в Новосибирском областном краеведческом музее приходом была организована выставка «Всероссийский пастырь» из собрания фондов мемориальной квартиры святого праведного Иоанна Кронштадтского и подворья Леушинского монастыря в Санкт-Петербурге.

На следующий год в жизни прихода и всей Новосибирской епархии произошло важное событие. Русские православные паломники, прибывшие из США, от имени архимандрита Амвросия (Погодина), клирика Американской Автокефальной Церкви, подарили храму несколько святынь, среди которых частица Животворя-

щего Древа Креста Господня; частица мощей преподобного Германа Аляскинского; иконы святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Сан-францисского с частицей мантии святого, преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны с частицей мощей, святителя Авгу-

стина Иппонского с частицей мощей и другие.

Наиболее значимым даром явилась ряса святого праведного Иоанна Кронштадтского, полученная в свое время отцом Амвросием от матушки протоиерея Николая Подосенкова.

Отец Николай был сокурсником отца Иоанна Кронштадтского по Санкт-Петербургской Духовной академии, и однажды батюшка Иоанн подарил ему свою рясу. Долгие годы святыня бережно хранилась протоиереем Николаем Подосенковым, покинувшим Россию в годы революции, а после его кончины, как уже говорилось, была подарена архимандриту Амвросию.

Немало русских, живущих ныне за рубежом, сохраняет связь со своей родиной. Среди них — Людмила Дмитриевна Фирфарова, родившаяся в Новосибирске и переехавшая впоследствии жить в Америку. Благодаря ее стараниям архимандрит Амвросий, мечтавший передать собранные им за годы своего служения святыни

в Россию, узнал, что в далекой Новосибирской епархии есть храм во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского.

3 ноября 2003 года в Вознесенском кафедральном соборе состоялась торжественная передача святынь. Архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон в сослужении духовенства совершил молебен и высказал слова благодарности архимандриту Амвросию и американским паломникам. После того, как святыни были доставлены в Пашино, прихожане Иоанновского храма смогли с благовением приложиться к рясе святого праведного Иоанна Кронштадтского, иконам и святым мощам и поблагодарить Господа за этот бесценный духовный дар.

*По материалам статьи «Ряса святого праведного Иоанна Кронштадтского в Новосибирске» протоиерея Виталия Бочкарева и священника Дмитрия Николаева
«Сибирь православная», №2, 2004 г.)*

Ряса св. прав. Иоанна Кронштадтского

2 января 2006 г.

Каждый год по благословению Владыки Тихона 2 января, в престольный праздник Божественную литургию в храме совершает благочинный Центрального городского Округа протоиерей Борис Свинин в облачении святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Храм во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского п. Пашино

